

ОПИСАНИЕ ЧЁРНОГО МОРЯ И ТАТАРИИ СОСТАВИЛ ДОМИНИКАНЕЦ ЭМИДДИО ДОТТЕЛЛИ Д'АСКОЛИ, ПРЕФЕКТ КАФФЫ, ТАТАРИИ И ПРОЧ. 1634 Г.

В 1891 году, в 5-ой книге “Чтений в Историческом Обществе Нестора летописца” г. Дашкевич издал любопытнейшее “Описание Ченоморья” (т. е., точнее говоря, “Чёрного моря и Татарии”), до того неизвестное. Это описание, составленное наблюдательным и учёным доминиканцем Дортелли д'Асколи, прожившим более десяти лет в Крыму в начале XVII века и, что не часто бывает, знавшим местные языки (турецкий, греческий и армянский), имеет весьма большое значение для истории края, давая подробные и любопытные сведения о татарах, черкесах, казаках, их соседях и их взаимных отношениях, а в особенности о самом Крыме в глухую и темную пору его жизни. По обилию даваемых сведений, их точности, подробности и достоверности в отношении Крыма, столь бедного документами о его исторических судьбах, это описание займет выдающееся место, не только не уступая, но и во многом превосходя лучшие, наиболее полные известия столь прославленных и всеми нам знакомых Броневского и Боплана: первый на пол века предшествовал нашему автору, но был в Крыму недолго, да и то послом, — лицом приметным и во всеми подозреваемым; второй писал почти одновременно с д'Асколи, но в Крыму вовсе не был. Не смотря на свои крупные достоинства, наше “Описание” осталось, однако, мало замеченным и, по-видимому, не вошло в обиход исторических справок, что, конечно, надо приписать изданию его на одном итальянском языке, не всем доступном, к тому же переполненным устарелыми выражениями, провинциализмами и заимствованиями из народных говоров Крыма, татарского и греческого.

Всем сказанным, мне кажется, достаточно объясняется и оправдывается мое давнее стремление добыть хороший русский перевод этого описания, ныне и предлагаемый вниманию читателей. Прямое место такому переводу именно в наших “Записках”, хотя бы уже потому, что “Описание Татар”, составленное товарищем и спутником д'Асколи, Джованни Да-Лукка (Giovanni da Lucca), но пробывшим меньше времени в Крыму, давно переведено, снабжено примечаниями и помещено в наших же “Записках” тогда еще, когда у нас был обычай печатать переводы наиболее [92] редких и выдающихся сочинений старинных иностранных писателей о юге России (Зап. Импер. Одесского Общества Истор. и Древн. 1879 г., т. XI, 473 и далее. Перевод не совсем исправен, хотя бы уже потому, что был сделан не с подлинника, а с французского перевода; теперь, быть может, представится возможность возобновить его.) Обычай тем более хороший, что он для многих восполнял или незнание языка или, еще чаще, чрезвычайную библиографическую редкость подлинников; толковые примечания к переводам давали возможность понимать многие темные выражения переводимых автором тем, кому были мало доступны исследования на местах.

Как не был желателен перевод “Описание” д'Асколи по всем этим основаниям, но выполнить его удалось только теперь, когда оказалось возможным привлечь к тому действительного знатока итальянского языка, вполне русского, но для которого итальянский язык не только материнский, но и язык его ученых степеней. Уверен, что всякий пользующийся настоящим переводом будет вспоминать большой и неблагодарный труд переводчика с признательностью.

Н. Н. Пименов с готовностью приложил большие старания для возможно точной передачи подлинника, а затем мы вместе почти слово в слово, всесторонне проверяли перевод, выяснению которого не мало способствовало то обстоятельство, что он писался на самом месте деятельности д'Асколи в Крыму, где всего доступнее было добывать смысл многих, совершенно невразумительных мест подлинника. Перевод мы старались сделать возможно буквально-точным, даже по внешнему расположению речи; ничто не пополнялось и не

выяснялось в самом тексте; все сомнительные места, а также и собственные имена по первому разу приведены в скобках, точно, по подлиннику; собственные имена, чтобы были приметнее, подчеркнуты. Написание и произношение их удержано авторское, и только в редких случаях оказалось нужным пояснить их современным написанием, настолько все это и само понятно.

Не трудно видеть, что в переводах подобных сочинений буквальная передача слов автора во многих случаях еще далеко недостаточна для вразумительного понимания; к таким местам даны разъяснения в примечаниях, сделанные частью Н. Н. Пименовым (отмечены Н. П.), частью мною (отмечены А. Б. Д.). Число этих примечаний можно было бы, без большого труда, значительно увеличить; но я не видел надобности множить их, разъясняя вещи известные и понятные всякому знакомому с главнейшими источниками истории нашего края.

Краткая сущность “Описания” была пересказана г. Дашкевичем по-русски в предисловии к изданию подлинника; этот пересказ, если [93] сравнить его с настоящим переводом, быть может, всего лучше свидетельствует о том, что и перевод и вызванные им примечания не будут бесполезны; несколько подробнее на то же указано в 14-м примечании.

К прекрасным биографическим сведениям о д'Асколи и его труде, данных г. Дашкевичем, не могу ничего прибавить, кроме разве того, что самое имя д'Асколи указывает место его родины — город Асколи. С этим именем в Италии известны два города: один Ascoli Picene, довольно большой город в Мархии, древний Asculum Picenum, лежащий верстах в 90 южнее Анконы; другой меньший, Ascoli di Satriano, но столь же древний, в Апулии, в нынешней Капитанате, верстах в 30 южнее Фоджии. Особенности речи нашего автора не указывают, из какого именно он города, а иных сведений не имеется; надо полагать, что из первого. [95]

А. Бертъе-Делагард

1-го января 1902 г.,

г. Ялта.

ЭМИДДИО ДОРТЕЛЛИ Д' АСКОЛИ

(Конец XVI в. — XVII в.)

Эмиддио Дортелли д' Асколи — католический монах Доминиканского ордена, возглавлявший в 1624—1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе, автор «Описания Черного моря и Татарии», составленного в 1634 г. Биографические сведения о Дортелли д'Асколи ограничиваются преимущественно теми данными, которые мы можем почерпнуть из его сочинения. Судя по второй части его фамилии, Дортелли был уроженцем итальянского города Асколи, но так как в Италии есть два города с таким названием, один из которых (довольно значительный) находится в Мархии, а другой (меньший по размерам) — в Апулии, то трудно сказать, какой именно из этих городов был родиной Эмиддио Дортелли. А. Л. Бертье-Далагарди считает, что Дортелли был родом из города Асколи, находящегося в Мархии, по это предположение не находит никаких подтверждений в особенностях итальянской речи автора «Описания Черного моря и Татарии», а иных источников для решения этого вопроса мы пока не имеем. Не располагаем мы и сведениями о времени рождения и смерти Дортелли д'Асколи. Можно только полагать, что он родился в последние десятилетия XVI в., поскольку в 1621 г. он уже должен был быть достаточно зрелым и опытным человеком, чтобы стать во главе самостоятельной католической миссии в таком важном для интересов Римской курии пункте, как Каффа. Дортелли д'Асколи был хорошо подготовлен к миссионерской деятельности в Крыму, так как он владел греческим, турецким (а, следовательно, и татарским), армянским языками, т. е. как раз теми языками, которые были распространены среди городского населения Крыма и, в частности, Каффы. Будучи человеком образованным и любознательным, Дортелли использовал свое десятилетнее пребывание в Каффе для основательного изучения различных местностей Северного Причерноморья. Не довольствуясь теми сведениями, которые он мог собрать в самой Каффе и Крыму, Дортелли, как это он сам отмечает, «имел неоднократно случаи совершать плаванья по Черному морю» и таким образом лично ознакомиться с прилегающими к нему областями. Можно полагать, что во время этих плаваний Дортелли посещал и берега Черкесии. Во всяком случае его описание Черкесии свидетельствует о весьма близком знакомстве с этой страной и в ряде случаев представляет собой результат непосредственных наблюдений и впечатлений. Изучая Причерноморье, Дортелли имел в виду не только интересы католической пропаганды, но и тесно переплетавшиеся с ней интересы [62] итальянской коммерции. Поэтому в сочинении Дортелли важное место занимают сведения коммерческого характера; в частности, он дает довольно обстоятельный обзор черноморских портов и гаваней, природных богатств Причерноморья и характеристику важнейших статей черноморской торговли. Вместе с тем Дортелли был не чужд и чисто научных интересов, уделяя, специальное внимание этнографическим и историческим вопросам. Это обстоятельство он оговаривает в начале своей книги. «Хотя, — пишет Дортелли, — моему званию несвойственно заниматься историческими изысканиями и описаниями местностей, тем не менее, я... счел не лишним удовлетворить любознательность желающих иметь сведения о вышеупомянутых странах и потому отписал эту книгу». Придавая своему сочинению преимущественно светский характер, Дортелли почти не касается в нем вопросов, представляющих интерес религиозный. Отсутствие такого уклона в своем сочинении Дортелли объясняет тем, что он «уже составил пространный словарь со всякими именами, глаголами, наречиями, изречениями, описаниями обрядов, вопросами и необходимыми ответами, касательно души и святой церкви на четырех языках: итальянском, греческом, турецком и армянском, для восточных миссионеров; написал краткий свод всех тех догматов, которые были противны учению святой римско-католической церкви, с их основами и опровержениями оных, знание которых необходимо для тех же миссионеров». Благодаря тому, что Дортелли посвятил задачам католической пропаганды на Востоке другие сочинения, он смог остановиться в «Описании Черного моря и Татарии» на

экономических и историко-этнографических вопросах. Это сочинение отличается широким подходом к описанию различных сторон жизни местного населения. Как это усмотрит читатель из приводимого ниже текста, Дортелли при описании черкесского быта почти не касается вопросов религии. Зато много интересных и важных подробностей сообщается им о политическом и общественном строе черкесов, об их наружности и одежде, о их манерах и обычаях. Дортелли в общем с большой симпатией пишет о черкесах; он отмечает их вежливость и гостеприимство, веселость их нрава, свободу, которой пользуются у них девушки до выхода замуж и т. д. Значительное внимание уделяет Дортелли семейному быту черкесов; в частности, он один из первых европейских авторов, описавших существование у черкесов обычая избегания. Большой научный интерес представляют сведения, сообщаемые Дортелли о «черкесах-франках», живущих в Феччиале. Это смешанное по своему этническому происхождению население Каффы образовалось в результате браков «франков» (т. е. генуэзцев и других итальянцев) с черкесами. Как пишет Дортелли, «многие (франки.— В. Г.) женились на черкешенках, так что в настоящее время получили от черкесов название «френккардаш», что на их языке значит — «френки наши братья». Население Феччиале, являвшегося пригородом Каффы, исповедовало христианство. Дортелли называет их «латинскими (т. е. католическими.— В. Г.) христианами», однако из его же дальнейшего текста видно, что жители Феччиале скорее придерживались «греческого вероисповедания», которое когда-то было распространено среди причерноморских черкесов. [63] Описание Дортелли д'Асколи несомненно принадлежит к числу наиболее важных источников по истории Черкесии XVII в. Почти каждая фраза, имеющаяся в этом описании Черкесии, представляет большой интерес и требует поэтому самого внимательного к себе отношения.

Д'АСКОЛИ

ОПИСАНИЕ ЧЁРНОГО МОРЯ И ТАТАРИИ

СОСТАВИЛ ДОМИНИКАНЕЦ ЭМИДДИО ДОТТЕЛЛИ Д'АСКОЛИ,

ПРЕФЕКТ КАФФЫ, ТАТАРИИ И ПРОЧ. 1634 Г.

**DESCRITTIONE DEL MAR NEGRO & DELLA TARTARIA PER IL D. EMIDDIO
DORTELLI D'ASKOLI, ZETT. DOM.: PREFETTO DEL CAFFA, TARTARIA & C. 1634**

Любопытство и жажда знания присущи человеку, как всякому известно. Аристотель сказал в начале своей метафизики: “*omnis homo natura scire desiderat*”, — ибо человек знающий говорит, а говоря — сам совершенствуется, других же поучает и услаждает. Всякий, по естественной склонности, если только он не завистлив, направляет свои мысли к тому, чтобы предьявлять другим собственные познания — о чем учит мудрый Соломон в главе 7-ой своей “Книги Премудрости”: “*quam sine fictione didisi, et sine invidia communico*” 1. Все это для ясного понимания вопросов, касающихся ума, так как человек именуется животным интеллектуальным и разумным, или же относящихся к предметам, чем-либо приносящим существенную пользу, как например, вопросы о медицине, человеческого здоровья ради.

Но также бывает, иногда, одинаково желательно узнать о свойствах и обычаях местностей и людей, и тем сильнее, чем оные менее известны и более отдалены от нас. Ныне я состою в префектуре города Каффы в Татарию уже десять лет и потому имел неоднократно случаи совершать плаванья по Черному морю 2. Хотя моему званию несвойственно заниматься историческими изысканиями и описаниями местностей, тем не менее, я, — уже составив пространный словарь со всякими именами, глаголами, наречиями, изречениями, описаниями обрядов, вопросами и необходимыми [96] ответами касательно души и святой церкви на четырех языках: итальянском, греческом, турецком и армянском, для восточных миссионеров; написав краткий свод всех тех догматов, которые были противны учению св. римско-католической церкви, с их основами и опровержением оных, знание которых необходимо для тех же миссионеров, — счёл не лишним удовлетворить любознательность желающих иметь сведения о вышеупомянутых странах и потому написал эту книгу. Сначала поговорим о Чёрном море, а затем, морским путём, переправимся в Татарию.

ОПИСАНИЕ ЧЁРНОГО МОРЯ.

Это море имеет ту особенность, что носит три названия. Оно именуется Чёрным (*negro*), Главным (*maggiore*) и Понтийским (*Pontico*), так как (по словам философа): “*Primum, quod de unaqua re sciendum est, est illud quod per nomen importatur*”. Поэтому следует знать, что оно зовётся Понтийским, по имени одной из рек, впадающих в него, а именно нынешней Трабизонды (*Trabisonda*), некогда называвшейся Понтом (*Ponto*), самое известное и знаменитое место в тех краях; посему море издревле и называлось Понтийским 3. Об этом имени так упоминается в житии св. папы Климента: “*Clemens, trans Mare Ponticum, in solitudinem Urbis Persona relegatus est*”, и тамошние люди сообщают мне, что те края поныне хранят название Понта от которого, как сказано, море именуется Понтийским 4.

Главным (*maggiore*) оно зовется потому, что является как бы отцом, т.е. источником и снабдителем вод для всех прочих морей, в него же не вливается ни одно море. Оно имеет один выход в виде канала длиною в 18 миль, через который, миновав Константинополь, вливается в Архипелаг, а затем в самый океан. Замечательно то, что в него впадают величайшие реки Европы (Европа), как-то: Даннубий (*Dannubio*), по-турецки Тура (*Tura*) 5,

Нипро (Nipro), по-турецки Озу (Osu), столь широкий, что снаряды артиллерийских орудий не долетают с одного берега на другой; по нём спускаются польские козаки на своих чайках (Saiche) для опустошения Черного моря; Танай (Tanai), вытекающей из Московии (Moscovia); по нём пробираются в это море тамошние казаки с тою же целью, о чём дальше будет сказано более подробно. Есть еще много других рек, текущих из Ромелии (Romelia), Татарии (Tataria), Чиркасии (Circasia), Менгрелии (Mengrelia) и Азии (Asia), а между тем Чёрное море имеет лишь один выход, а именно Константинопольский пролив, который по ширине и глубине не превышает Даннубий (Dannubio) или Нипро (Nipro) 6. [97]

Мы не желаем быть убежденными в том, что это великое море порождает, сквозь скрытые подземные каналы, большие реки, текущие в другие далекие края, хотя в св. писании и сказано: “*flumina de Mari exeunt*” 7; быть может здесь лучше видеть исполнение приказания, данного Вечною Премудростью всем морям в псалме 103: “*Terminum posuisti, quem non transgredientur nec convertentur aperire terram*” 8. Но, как глаголет им тот же Бог Всемогущий устами Иова в 38-ой главе: “*usque hus venies, et non procedes amplius, et hic confringes tumentes fluctuosus*” 9.

Это море может называться Главным также по высоте своего местоположения; по своему уровню оно выше всякого другого моря. Но оно зовётся Чёрным и это название самое употребительное, не потому, что в нём, как иные быть могут полагают, чёрный песок, яко бы дающий воде чёрную окраску; так же ошибочно пишут и о Красном море. Песок в обоих морях одинаковый, сам по себе белый. На самом же деле воды Чёрного моря как бы темнее других по причине глубины оно. Эта глубина такова, что волны не разбиваются, но поднимаются кверху, на подобие гор. Чёрное море кажется таковым потому, что плавающим по нём редко приходится видеть небо ясным, а лишь всегда облачным; оно постоянно как бы задёрнуто “чёрным плащом”, почему его скорее следовало бы называть “морем чернокнижников”, чем морем торговцев или путешественников 10.

Но, говоря по правде, оно весьма справедливо, прибегая к метонимии, именуется черным по своим черным действиям. Местоположение этого моря высокое, вследствие чего на нем нет недостатка в ветрах и бурях 11; к тому же оно узкое, со многими, но малонадежными стоянками, да и те неудобно расположены. Вот почему ежедневно слышишь о том или другом судне, разбившемся о какую-либо скалу; так что от этого моря впрямь помрачаются сердца плавающих по нём и весьма часто помрачаются сердца и чернеют одеяния их родственников 12. Но, если Чёрное море было всегда сердитым, с древних времен, то теперь оно несравненно чернее и страшнее, по причине многочисленных чаек (saiche), всё лето опустошающих море и сушу. На крайних пределах России (Russia), провинции подвластной Полонии (Polonia), есть скалы и леса, образующие как бы остров на реке Нипро (Nipro) по-турецки Оза (Osa), как сказано выше 13. Эти Россы (Rossi), называемые иначе казаками (Cosacchi), дабы мстить татарам, ежегодно набегавшим на них с целью грабежа, стали в последние 30 лет спускаться, на выдолбленных челнах (legni concavi) и хорошо вооруженные, по этой самой великой реке Оза, от которой и получили прозвище “Оза козак” (Osa Cosach), в Чёрное море, причиняя немало вреда прибрежным местам Татарии и проливу Чёрного моря. На море они завладевали сначала маленькими [98] судами и, поощряемые удачей в своих предприятиях, с каждым годом стали собирать все большие суда и в большем количестве и, наконец, дошли до того, что 10-ть лет тому назад 300 с лишком челнов вышли в море и сразились с целым флотом падишаха (Gran Signore). По словам всех очевидцев, если бы в день битвы была тихая погода, то ни одна галера не вернулась бы обратно, так как казаки уже были завладели кормовую часть адмиральской галеры; но, при поднявшейся сильной буре, галеры могли двинутся против неприятеля на всех парусах и тем потопить нескольких 14. Однако, с тех пор и по сие время, до 30, 40 и 50-ти челнов спускаются ежегодно в море и в битвах причиняют столь жестокий вред, что берега всего Чёрного моря

стали совсем необитаемы, за исключением некоторых местностей, защищенных хорошими крепостями. Казаки разрушают, грабят, жгут, уводят в рабство, умерщвляют; часто осаждают укрепленные города, берут их приступом, опустошают и выжигают, подобно тому как в прошлом году они сделали в Юзлеве (Jusleve) 15 — единственный укрепленный ханский город, из которого казаки похитили все, что нашли, а затем подожгли и самый город, четверть которого, сама торговая часть, сгорела. Иногда они идут днём и ночью, углубляясь внутрь страны, чтобы разграбить какое-нибудь богатое место; таким образом четыре года тому назад в Каразио (Carasio) 16), т.е. в самом центре Татарии, казаки разграбили и сожгли множество лавок, убивая всех им попадавшихся; такая участь постигла даже некоего армянского священника; с ними бежало более 150 рабов. Но на суше они еще не причиняют столько бед; на море же ни один корабль, как бы он ни был велик и хорошо вооружен, не находится в безопасности, если, к несчастью, встретится с ними, особенно в тихую погоду. Казаки стали так отважны, что не только при равных силах, но и 20 чаек не побоятся 30-ти галер падишаха, как это видно ежегодно на деле; действительно, 3 года тому назад казаки забрали 2 галеры и преследовали остальные 17.

Эти чайки длинноваты, на подобие фрегатов (frigate) 18, вмещают 50 человек, идут на вёслах и под парусами. Дабы они могли выдерживать жестокие бури, их обвязывают вокруг бортов соломой, поддерживающей их на воде 19. Казаки избирают из своей среды начальника, называемого атаман (Atman), которому они оказывают невероятное послушание и покидают или смещают его, смотря по его поведению. Если ему счастье поможет в предприятиях, если таковые окажутся блестящими и достойными похвалы, то их записывают для напечатания. Между казаками есть много поляков, которые по причине вражды удаляются к ним, живя и разделяя с ними счастье и несчастье. Одним [99] словом, казаки наводят такой страх не только в Татарии и всём Чёрном море, но и в Константинополе, что из за них там вооружают ежегодно флот, частью или весь. Также по их поводу, ставши падишахом, султан Осман (Osman), 13 лет тому назад, затеял войну с поляками и лично повел бесчисленное войско. Но светлейший Вуладислао (Serenissimo Vuladislao), при помощи тех же казаков, одолел и разбил его на голову 20. В этом году султан Мурат (Murat), теперешний падишах, попытался воевать по той же причине и двинул было два сильных войска, думая лично стать во главе их; но потом, по милости Божией, последовал желанный мир, причём условием договора было впредь не допускать казаков на их чайках к морю 21. Но трудно будет соблюсти подобное условие, так как сами поляки, в виду мало доступности местопребывания казаков, окажутся не в силах укротить их, если только казаки добровольно не прекратят свои набеги, чему я не верю, ибо они бедны и доказали, что “*aquae furtivae sunt dulciores*”; если бы светлейший король польский назначил им хорошую плату, но — “*hos opus, hic labor*” — их много. Есть еще другие казаки, московские, сходные с польскими, которые спускаются по Танаи (Tanai); на море и на суше они поступают, как прочие.

Те и другие козаки очень дружны между собою, хотя их государи ожесточённо воюют друг с другом. Утверждают даже, что среди московских казаков есть много польских, и это правдоподобно, так как москoвы (Moscovi) по природе трусливы и весьма робки (*codardi et timidissimi*), малоопытны в военном искусстве, а казакам необходимо иметь большой навык и львиное сердце (*cuor di leone*) 22.

Прибавим еще, что в Чёрном море, имеющем лишь один настоящий выход или устье, есть 2 ложных прохода, недалеко от настоящего, по обеим сторонам его. Зачастую судам, направляющимся во тьме ночной к настоящему устью, приходится оставлять груз и путников между двух скал 23. Весьма нередко также случается, что бывающие на высотах пастухи разводят в тёмные ночи огонь, по необходимости или из хитрости, а моряки, принимая этот огонь за маяк, правят прямо на него, но оказываются вскоре обманутыми; тогда пастухи спускаются и грабят. Итак, по причине дурных портов, казацких чаек, ложных

выходов, заключают, что это море весьма справедливо должно называться Черным; опасаясь даже, как бы по этому не пришлось в скором времени совсем прекратить плавание по нём, Не взирая на богатства и блага, доставляемые этим морем.

Произведения Чёрного моря, привозимые в Константинополь многочисленны, а именно: пшеница из Варны (Varna), Киели (Chieli) 24, Балчика (Balcich) и других мест и морских стоянок придунайской Ромелии, [100] добываемая в таком количестве, что её хватает на все Черное море и на сам Константинополь.

Рыба, особенно морона (Morone) 25, подобная осетру; ловится на Дону, в Азаке (Asach) или Тане (Tana) 26, но всего больше в Воспро (Vospro) и у берегов Каффы, так что для одной Венеции солят ежегодно более 200 бочек этой рыбы, под названием пастария (Pastaria); сверх того изготовляют копченые части, называемые мидие (Midie), состоящие из верхней мякоти той же рыбы с лучшею частью — спинною сердцевиной (Medolo), более вкусной, чем брюшная часть (Tarantello) 27.

Соль, обильно нагружаемая в Татарию для Константинополя и всего Чёрного моря. Масло, по большей части нагружаемое в Тамани (Taman) или Матриги (Matriga), — в главном порту Чиркасии (Circasia), подвластной турецкому падишаху и управляемый кафским пашой. Это масло привозится из скифской Татарию (Tartari Schithi), граничащей с Азаком и с Чиркасией и находящейся по ту сторону этой Татарию 28. Икра (Caviale), изготовляемая в Тумнехе (Tumnech), в дне пути от Тамани, внутри Чиркасии 29; но в Азаке или Тане икра гораздо вкуснее. Этого продукта хватает не только на все места Татарию и Чёрного моря, но также на Константинополь и на острова Архипелага Хиосцы (Sciotli) приезжают ее закупать. Во всех морских стоянках Татарию нагружают много судов воловьими и буйволовыми кожами, доставляемыми оттуда также в Италию (Italia), Фландрию (Fiandra), Англию (Inghilterra) и Францию (Francia).

Из Татарию, Чиркасии и Менгрелии (Mengrelia) доставляют в Константинополь много рабов. Но со всем тем торговцы Чёрного моря богатели и богатеют в двух главных морских стоянках, более чем в других. Одна из них Аббаза (Abbasa), приморский город Чиркасии, стоит на самой границе Менгрелии, так что под именем Абазы посещают и мингрельские стоянки 30. Туда приезжают в июле или в августе торговцы из Константинополя, Татарию и других мест Чёрного моря, ибо в это время там бывает как бы ярмарка, на которую привозят домашнюю утварь ручной работы, дешевые материи для одежды и много копченой рыбы из Татарию, так как в их море нет рыбы. Купцы же вывозят оттуда отличный мед, прекрасные нитки для выделки полотна, но довольно простого, рабов, воск и получают такую прибыль, что затративший 100 реалов выручает 300. Торговля происходит на судах и каждый купец на них же сбывает свой товар: на берегу он подвергся бы грабежу, ибо местные люди — одна шайка воров. Если же кому из крупных купцов приходится идти по торговым делам в город, то он предварительно требует на судно одного из жителей в качестве заложника, дабы ему самому не подвергнуться оскорблению. В эту морскую стоянку ездят не ежегодно, вследствие [101] запрещения падишаха, ибо тамошние князья не желают ему платить дань (saraggio) 31, а он не может подчинить их своей власти, потому что стоянки морского побережья опасны. В случае нужды эти князья снаряжают послов и тогда разрешается туда ехать.

Другой порт Тана, по-турецки Азак, в книгах и на картах пишут Ассаув (Assauv), подвластен падишаху 32. Он гораздо важнее Аббазы ибо там закупают в большом количестве превосходную икру (caviale), белугу (morone) и иную копченую рыбу по такой дешевой цене, что невозможно поверить; иной, затратив 100 реалов, наживает 300, даже 400; в прошлом году некий Николай Капо (Caro Nicolo), из Коджи (Chiozza), по матери именуемый себя также из Кандии (Candia), судно которого разбилось во время бури, продал товара на 20

цехинов; с этими деньгами снова отправился в Тану и выручил до 300 реалов, отсчитав издержки на прожитие 33.

Однако путешествие в Тану весьма затруднительно по причине находящихся там многочисленных мелей, не пропускающих большие суда и того менее галеры; к тому же море очень узко и при всякой небольшой даже буре суда выбрасываются на берег или садятся на мель. Кроме того московские казаки наблюдают за судами, сторожат проходы и, хотя хозяева старательно разузнают, когда именно казаки проплыли в Чёрное море, тем не менее очень часто бывает, что суда неволею попадают им в руки, подвергаясь разграблению и рабству; турок (Toungchi) убивают, христианам предоставляется выкупиться, если только они сами не покупали рабов; в таком случае их убивают беспощадно, как и было в прошлом году со многими армянами. Нет сомнения, что Тана выиграла бы бесконечно, если бы оттуда прорыли углубление для перехода к Волге (Volga); в таком случае можно было бы выручать большие деньги 34.

Едущие в Тану на зимовку зарабатывают гораздо больше, потому что тогда добывается много рыбы, купцов нет, народ беден и за кусок хлеба зимующие могут иметь, что захотят.

Чёрное море длинно и узко 35. Ширина его между главными морскими стоянками Европы и Азии т. е. от Каффы (Caffa) до Синопа (Sinopi), 200 миль 35,b, а в других местах от Европы до Азии или, как говорят турки, от Ромелии до Анатолии (Anatolia), не более 300 миль. Длина моря, по общему мнению знающих моряков, равняется 1500 милям, а окружность его 3000. Однако, считая расстояние от стоянки до стоянки. как со стороны Азии так и со стороны Европы, море оказывается не столь длинным; хотя мы и не желаем сказать, что не следует начинать измерение его длины от Константинопольского пролива, но, так как Чёрное море со стороны Ромелии сворачивает влево, сильно выдаваясь [102] наружу, как ясно видно на картах, то, если измерять длину от этого дальнейшего берега до противоположного, т. е. наискось к Менгрелии, длина моря может легко достигнуть вышеупомянутых размеров 35,c. Для большей ясности мы опишем все морские стоянки одну за другой, указывая расстояния между ними.

Начнём с Азии, которая у турок называется Анатолией (Anatolia), вернее Анадолией (Anadolia), что значит мать отягчённая (gravida) или наполненная (piena), по причине плодородия и богатства всей этой страны 36. От Константинополя до Киэрге (Chierp.) — 100 м. 35,e. Это незначительное местечко, где нагружают дрова для Константинополя. От Киэрге до Регли (Regli) — 100 миль. Это древний, уже разрушенный город, с греческой надписью на очень высокой стене. При входе в одни из ворот стоит прекрасная мраморная гробница, очень искусно обделанная со всех сторон и поддерживаемая двумя столбами, также мраморными. На нижней стороне гробницы, сбоку от изголовья, видно не искусством человека сделанное отверстие. Рассказывают, что у некоего царя была единственная возлюбленная дочь, у которой, по решению оракула, после её смерти, змея должна была съесть сердце. Так как девушка преждевременно скончалась в ту пору, когда отец собирался выдать ее замуж, то огорченный родитель, во избежание роковой судьбы, заказал вышеупомянутую гробницу. Темь не менее змея, поднимаясь еженощно по одному из столбов, просверлила своими острыми зубами отверстие, способное ее пропустить, и съела нежное сердце царственной девы. От Регли до Мастры (Mastra) или, как пишут карты, Фамастры (Famastra), разрушенного города гетуэзцев, о чем ясно свидетельствуют надпись и имена на прибрежных воротах — еще 100 миль 37. В этом город видны остатки великолепнейших дворцов; один из них, судя по величине и полировке камней, видимо был построен без извести. Ест также мраморная колонна, весьма толстая и высокая, засыпанная землей и как бы искусственно рассеченная по середине. Проезжающие турки камнями и молотками откалывают от неё осколки и собирают даже пыль, рассказывая, что эта колонна

была, будто бы, затронута и рассечена мечем Хазрета-Хали (Hasret-Hali), ставшего главным после Магомета а ему Бог даровал очень острый двухконечный меч (spada con due punte) 38; у турок и поныне есть обычай возлагать деревянные двухконечные мечи на погибших в бою от рук христиан. Мраморную пыль они уносят домой и употребляют ее, как средство против лихорадки. Однако, мне вовсе не верится, что араб Хазрет-Хали был в этих краях; достаточно было кому-нибудь распустить первый слух об этом; ведь турок легко верит сказкам.

От Мастры до Кедроса (Chedros) — 50 м. От К. до Инаполи (Inapoli) — [103] еще 50 миль; здесь нет ничего хорошего. От Инап. до Синопи (Sinopi) — 200 миль. Здесь прекрасная гавань, точно канал, и тут строят ежегодно множество судов, а также галеры; но они выходят слишком тяжелые. Материк образует мыс, к которому можно свободно причалить во всякую бурю. Синоп очень важная стоянка для всех идущих из этой части Азии и из Персии на противоположный берег Татарию в Каффу, совершая переход в 200 миль 35,d.

От Синопа море уклоняется вправо, идя до Бавры (Bauca) — 50 миль, от Б. до Сампсона (Sampson) — 50 миль, от Сампсона до Унии (Unia) — 80 миль, от У. до Вуоны (Vuona) — 70 миль, от В. до Киерессонды (Chieressonda) — 70 миль, от Киер. до Триполи (Tripoli) — 35 миль. Здесь производят весьма тонкие вина, с мускусным (muschio) запахом 39. От Трип. до Каролы (Carola) — 20 миль, от К. до Диополя (Diopoli) — 10 миль, от Д. до Фероса (Feros) — столько же, от Фер. до Трабизонды (Trabisonda) — 45 миль. Эта местность изобилует винами, фруктами и апельсинами, От Траб. до Сурмы (Surma) — 20 миль, от С. до Ризе (Rise) — 40 миль, от Р. до Гонии (Gonia) — 100 миль. В этой стране виноградные и фруктовые рощи, но люди злы и придирчивы; эта страна зовется также Азо (Aso), а обитатели и в самом деле ослы (Asini) 40. От Гонии до Фашии (Fascia) — 80 миль. Все вышеупомянутые стоянки подвластны Турции; но от Фашии начинаются владения христиан, а именно Джорджиан (Giorgiani) с узкой береговой полосой и воинственными жителями, несущими на знаменах изображение св. Георгия. От Фашии до Скаври (Scauri) — еще 80 миль. Страна именуется Менгрелией (Mengrelia). Между этими двумя стоянками море закругляется и поворачивает к Каффе. Князь Менгрелии пребывает в Тадиане (Tadian) и сам называется Тадианом (Tadian) 41. Её берега сильно защищены густыми лесами, в коих растения, пока еще молоды, сплетаются и образуют как-бы крепчайшую стену. От Скавры до Скуртии (Scurtia) — 10 миль 35,f, от С. до Эски-Согуна (Eschi-Sogun) — 20 миль 35,g, от Эски-С. до Дервена (Derven) — 40 миль 35,h, от Д. до Аббазы (Abbasa) — 50 миль 35,i, от Аббазы до Маматалы — 50 миль 35,j, от М. до Киеленчика (Chielencich) — 150 миль, отсюда 6 миль до Буюк-Лимана (Buiuch-liman) 35,k. От Буюк-Лимана до Варды (Varda) — 30 миль 35,l, от В. до Тамани (Taman) или, как пишут карты, Матриги (Matriga) — 100 миль. Тамань или Мадрика (Madrica) составляет крайний предел с той стороны Азии. Построенная генуэзцами, она состоит теперь под управлением кафского паши, помещается на острове и называется островом в начале Чиркасии, обойти который можно в один день, по морю и двум рекам. Внутри города находятся два замка, взаимно защищающиеся со стороны материка, стоящие недалеко, даже близко один от другого, но построены и расположены они так искусно, что не могут стрелять [104] друг в друга, так как один смотрит прямо, а другой в сторону. Два года тому назад в этом городе по случаю дождей сделался обвал; под землей найдено несколько исполинских тел. Это зрелище было показано султану, единоутробному брату нынешнего хана, возвращавшемуся из Чиркасии Султан пожелал в знак памяти отвезти в Татарию плечевую кость, от локтя до плеча, длиной в 4 пальмы, которую нельзя было обхватить двумя большими руками, и весившую 18 ок, — около 2,5 наших фунтов; значит вес этой кости равнялся 54 ф. 42. Хан приказал повесить ее на толстой веревке над дверью своего сераля; я сам с большим трудом поверил бы этому, если бы не видел собственными глазами. Но, — пора продолжать начатое нами путешествие, так как нам еще остается обозреть ту часть Европы, которую турки и греки называют Ромелией — может

быть по имени города Константина Великого, т. е. Константинополя, прозванного Новым Римом, почему и смежные страны зовутся Ромелией, на подобие того, как окрестности старого Рима, зовутся Романеей (Romagna) 43. Итак, плавая вдоль берегов Ромелии и начиная от Константинополя 44, мы находим в 50 милях Омидию (Omidia), от Ом. до Гнады (Gnada) — столько же, от Г. до Афанаты (Athanata) — 45 миль, от А. до Крестоса (Christos) — 15 миль 35,m, от К. до Сизополя (Sisopolii) — 10 миль, от С. до Пороса (Poros) — 10 миль, от П. до Миссеуврии (Misseuvrio) — 18 миль, от М. до Эмоны (Emona) — 18 миль, от Эм. до Варны (Varna) — 60 миль, от В. до Бальчика (Balcich) — 18 миль, от Б. до Каурны (Caurna) — 10 миль, от К. до Киелеврии (Chielevria) — столько-же, от К. до Банкалии (Bancalia) — 50 миль, от Б. до Киосте (Chioste) — 36 миль, от К. до Кара-Армана (Cara-Arman) — 36 миль, от К. до Бортиции (Bortitia) — 18 миль, от Б. до Кетестеса (Chetestes) — 18 миль 35,n, от К. до Селины (Selina) — 40 миль, от Сел. до Киели (Chieli) — 50 миль, от Е. до Акримана — 50 миль, от Акримана, т. е. против крымской Татарии, как будет сказано в описании оной, прямым путем до Юзлеве (Juslew), первой стоянки Татарии — 250 миль. От Юзлеве до Балут-лавы (Baluch-laua) — 100 миль, от Б. до Узруфа (Usruf) — 100 миль, от V. до Каффы (Caffa) — 100 миль, от К. до Воспро (Vospro) — 100 миль; это крайняя грань пути со стороны Ромелии. От Воспро до Тамани (Taman) в Азии — 18 миль. Есть ещё мыс св. Иоанна в Татарии, от него до Тамани не более 6 миль, Таково круговое плавание; прямым же путем от залива Константинополя до Юзлеве — 550 миль, а от Константинополя до Каффы — 700 миль 35,d. Но, при виде такого количества морских стоянок всякий скажет с удивлением: почему же плавание по этому морю так затруднительно? Ответ готов: все вышеупомянутые стоянки, хотя и многочисленны, но в бурю они вообще малодоступны и расположены среди крутых скал, не выдаваясь [105] в море; удобных же очень мало. По азиатскому пути только и есть, что Синоп и Трабизонда, да один Биюк-лиман со стороны Менгрелии. По ромелийскому пути имеется лишь Кара-Арман 45. В Татарии — одна Балаклава представляет вполне хороший порт, единственный во всем Черном море, но во время бури трудно доступный; в него можно войти лишь попутным ветром, так как он находится между двух высоких скал, а проход настолько узок, что галере не пройти с выброшенными веслами 46. Приходится входить извилисто (serpendo); за то в ней, как в ванне, могут удобно поместиться и 300 галер. Об этой самой Балук-лаве мы будем говорить подробно в нижеследующем описании Татарии.

Течение моря направляется к Константинополю и Ромелии. Масса воды значительна, а устье единственного пролива узко и не может ее пропустить, поэтому вода, достигши устья Константинопольского пролива, частью проникает в него, частью же, отражаясь, поворачивает обратно к Азии. Таким образом, можно держать путь по течению, от Ромелии или Европы до Константинополя и оттуда, вдоль Анатолии или Азии, на протяжении 500 миль, до Синопа 47.

Наконец, вокруг Черного моря говорят на восьми языках, а именно: греческом (Greco), турецком (Tureo), татарском (Tartaro), чиркасском (Circasso), аббазском (Abbasa), менгрельском (Mengrelo) и арменском (Armeno) 48. Хотя татарский язык имеет сходство с турецким, а аббазский с чиркасским, тем не менее, они таковы, что различные племена, говоря каждое на родном языке, друг друга не понимают.

ОПИСАНИЕ ТАТАРИИ И СКАЗАНИЕ О НЕЙ ТОГО ЖЕ Д. ЭМИДДИО ДИ АСКОЛИ.

В этом кратком обзоре я не намерен говорить о великой азиатской Татарии находящейся в Скифии (Scythia), где восседает Агдер-Кан (Agder-Kan), что значит царь Дракон (Dragone) 49, откуда вышли Тамбурлан (Tamburlano) и другой, величавший себя бичом Божиим, — подразумеваю великого Аттилу, пришедшего опустошить Европу. Здесь речь идет о сарматской (Sarmata) Татарии где пребываю уже 10 лет. Это полуостров, находящийся на

крайних пределах Европы, со стороны севера и под звездой Т. Эта Татария зовется Крымской (Crimea) и Перекопской (Praescopensis). Крымской Татария называется от древнего города Крым (Crim), ныне разрушенного. Приблизительно в 20 милях от Каффы стоят почти в целости стены этого города, имевшего значительную окружность. Так до сих пор стоят большие красивые ворота искусной работы из мрамора, совершенно уцелевшие. Внутри [106] стен видно еще учебное здание, называемое метрезе (Metrese), с персидской надписью на воротах, потому что они владели этим городом и их купцы находились там еще до основания генуэзцами Каффы и других городов Татарии. Благодаря торговым сношениям и взаимным выгодам, они сначала дружили с генуэзцами, но со временем повздорили с ними, может быть потому, что видели, как генуэзцы слишком быстро богатели и тем отнимали у них заработок; от этого усилилась их зависть, и они возненавидели соперников; но генуэзцы, обладавшие всегда большими денежными средствами, войдя в соглашение с татарами и сделав вместе с ними жестокое нападение, уничтожили их 50. Город красиво расположен на небольшом возвышении, пользуется прекрасным воздухом и обильно снабжен чистейшею водой. По близости находится могила татарина, слывущего святым. Ханы или цари Татарии, желающие под старость отпустить себе бороду, — ранее они носят одни усы, с большим торжеством и с многочисленной свитой направляются к этой святыни и тут режут великое множество овец и быков в жертвоприношение, называемое Курбан (Curban), при чем молят Бога о ниспослании им здоровья и долговечности. Всякий приветствует хана с “Бомбаречи” (Bombarechi), что означает с благополучием 51. Затем, его главные приближенные дарят ему красивого коня или драгоценный сосуд; он отвечает тем же и дарует свободу многим рабам. В этой местности есть много ханских могил, ибо в былое время ханов хоронили в городе Крым; но теперь их погребают в Бакчия-Сарай (Bacchia-Sarai), обычном местопребывании ханов.

В окрестностях этого города произрастают душистые цветы и целебные травы. Ежегодно, от весны и до июля, бывает большой съезд со всех концов Татарии для пользования ваннами из горячей воды с цветами и травами, исцеляющими человека от многих недугов 52. Окрестности богаты фруктами и овощами. Вблизи Крыма, в двух милях от города, на лесистой возвышенности, находится армянская церковь во имя Животворящего Креста или, как они говорят, сурп-кач (Surp Sac), привлекающая многочисленные толпы богомольцев 53; тут же вкуснейшая родниковая вода. Этот храм, достойный Рима, и много высоких каменных жилищ широких размеров построены были братьями-армянами, которые и погребены в церкви.

Татария называется также Прекопской (Praescopense) от замка Прекопе (Praescop), по-турецки Ор (Or), служащего ей как-бы дверью или ключом 54; поэтому Татария, собственно говоря, не остров, как ее вообще называют, ибо в нее можно проникнуть сухим путем.

Окружность. Татарии — 700 миль. Из четырех её сторон три, начиная от вышеупомянутого Прекопа, омываются морем, а четвертая [107] сторона примыкает к Меотийским болотам, край которых находится в 15 милях от того же замка. Эти 15 миль составляют сушу, и в старину там были очень большие рвы, вплоть до Прекопа, так что, входя в Татарию или выходя из неё, нельзя было миновать этот город 55. Ныне же татары, живя бесстрашно и слывя грозными, дали засыпаться этим рвам; всякому стало возможным входить или выходить, не опасаясь замка. Так и было 7 лет тому назад, когда Кандемир (Candemirro), знатный татарин-ногаец, ушел со своими людьми этим самым путем от султана Шяингирая (Sciangirai), брата Махметгирай-хана хотевшего лишить его жизни. Почти год спустя, сам Махметгирай воспользовался этим проходом, когда на него пошел новый хан Замбекгирай (Zambehgirai), присланный падишахом по наущению того же Кандемира; выход Махметгирая с 12 приближенными через перекопский перешеек состоялся 20 дней спустя после воцарения хана Замбек гирая.

Известно также, что купцы и другие люди, идущие сухим путем в Константинополь, Богданию (Boghдания), Полонию (Polonia), проходят через город и пригород Ор или Перекоп и там снабжаются одеждой и съестными припасами на шесть дней степного (alpestre) пути, где сильно ощущается недостаток в воде и очень часто встречаются разбойники, татары и казаки, почему и принято пускаться в этот путь многочисленным и хорошо вооруженным сборищем. Этот замок очень сильно укреплен и хорошо снабжен орудиями и рвами. Ест еще другой путь для выхода из Татарии, называемый Араббатта (Arabbatta), напротив города Крыма и на расстоянии одного дня пути от Каффы. Через Меотийские болота есть тропа, которой могут пользоваться знающие дорогу. Но этот пут избегают по причине болот и пустынных безлюдных стран, лежащих по ту сторону, опасных от чиркаских и ногайских разбойников 56.

По арабатскому пути вышел, 6 лет тому назад, султан Шяингирай с 4.000 казаков в то время, когда брату его, хану Махмет гираю, изменил татарский отряд, пошедший целовать полу теперешнему новому хану Замбеку, тогда высадившемуся в Каффе. Я уже изложил подробно историю свержения с престола Махмет гирая, его насильственной смерти, невзгод его брата Шяингирая и переворот в Татарии но так как вышеупомянутое событие отчасти касается её судеб, то я опишу его вкратце 57.

Двенадцать лет тому назад, некий знатный чиркас, зять хана Махмет гирая, по вымышленному предлогу, умертвил одного из братьев Кандемира который, за невозможностью тотчас отомстить убийце, выжидал время и случай, наступивший 7 лет тому назад, когда Махмет-гирай [108] отправился в Чиркасию покупать рабов; туда же собрался и брат Кандемира — Салмаша (Salmascia) 58. Пройдя на шесть дней внутрь страны, хан ненадолго остановился вместе с вышеупомянутыми чиркасами на отдых; тем временем подоспел и его зять — чиркас. К великому удовольствию хана, они пробыли вместе восемь дней, обменявшись подарками. После этого ханский зять простился, чтобы вернуться домой, а Салмаша воспользовался этим случаем, собрал нескольких своих приверженцев заступил ему дорогу и отомстил пролив его кровь. Узнав об этом, хан сильно опечалился и прогневался, отчасти потому, что он всем сердцем любил родственника, а также потому, что убийство случилось именно в то время, когда он пришел навестить хана, но более всего — вследствие неуважения оказанного его особе и его зятю, пострадавшему за любовь к хану. Видя, что Салмаша бежал, хан немедленно отправил гонца в Татарию, к Шяингираю, с приказанием схватить Кандемира и содержать его под верной стражей, ибо это убийство могло быть совершено Салмашой лишь по совету старшего брата. Шяингирай, вместе со многими приближенными, неотложно принялся за дело, но ничего не достиг, так как Кандемир, заблаговременно узнав от Салмаши об успехе, ушел из Татарии через Ор или Прекопе. Сильно озлобленный неудачей, Шяингирай захватил всех жен обоих братьев, с их имуществом, рабами и скотом, обращаясь с ними крайне жестоко 59. Кандемир, в свою очередь возмущенный таким поступком, обратился к падишаху в Константинополь с доносом, указывая предательство Шяингирая, его сношения с козаками, их совместные орудования, направленные против падишаха, дурное управление Махмет гирая, преувеличивая подробности и т.д., при чем он вызвался доставить их обоих в руки падишаха, если только ему дадут на то поручение.

Падишах помнил прием, полученный от них 4 года до того, когда на основании разных зловещих донесений против их обоих, а особенно Шяингирая, решил сместить их, снарядив в Татарию нового хана, теперешнего Замбек гирая, со всеми морскими силами. Тогда Шяингирай, во время у осведомленный, призвал 4000 казаков, которые подоспели к нему несколькими днями ранее прибытия флота. Таким образом, когда Замбек гирай высадился, по обыкновению в Каффе, то завязался бой, при чем Шяингирай сумел себя показать так, что

из неприятельского флота перебил много воинов, а также много беев и командиров галер; устрешенные остальные вынуждены были вернуться в Константинополь, вместе с ханом, а город Каффу заставил поднести себе ключи, но немедленно же возвратил их 60. Итак, падишах, вспоминая все вышеописанное, убедившись по опыту в доблести Кандемира, охотно воспользовался случаем и дал ему соответствующее [109] приказание и поручение, с прибавлением письменного повеления всем и каждому оказывать ему надлежащую помощь и поддержку. Кандемир немедленно приступил к исполнению приказа, на пути пополнил толпу своих приверженцев и направился в Татарию. Шяингирай был извещен о походе Кандемира, но ничего не знал о его соглашении с падишахом и поэтому думал, что у Кандемира лишь небольшие силы. Выступив из Татарии на встречу Кандемиру со многими храбрецами, он оставил половину их по сю сторону ближайшей к Татарии реки, т.е. Озу или Нипро, а с остальными переправился на другой берег. После короткого перехода он увидел шедшего на встречу с немногими людьми Кандемира, который приблизился и, как бы приписывая подобную встречу случайности, повернул назад бросившись бежать. Шяингирай подумал, что тот бежит со страху, и помчался за ним во весь опор, но, доскакав до некоего леса, наткнулся на засаду, устроенную Кандемиром, и тут подвергся нападению. Видя себя в самом очаге измены, Шяингирай ускакал обратно с 3-мя своими всадниками. С пути он отправил к казакам верного гонца с письменною просьбой, прислать ему в Татарию 4 или 5 тысяч человек, хорошо вооруженных, с несколькими небольшими орудиями, за что обещал им еще большее количество денег и подарков, чем прежде. Сам же поехал в Бахчисарай (Bacchiasarai) к хану, где и старался по возможности укрепиться, будучи уверен, что Кандемир последует за ним. Действительно Кандемир, 12 дней спустя после его прибытия в Бахчисарай, перебив в лесу многих его воинов, тоже подошел к Бахчисараю, вместе со всеми своими ногайцами, находившимися при нем, и теми, которые были внутри Татарии; с ним был также Салмаша со своими людьми. Кандемир осадил этот город и еще другой замок 61, для защиты которых Шяингирай располагал лишь двумя орудиями, поставленными на бахчисарайских холмах. Ногайцы сильно недолюбливают орудийный огонь; они боятся даже простого пищального выстрела, а потому никогда не решились бы ворваться в эти укрепления, хотя им было бы весьма легко завладеть ими. Не рассчитывая на помощь казаков, ногайцы решили продлить осаду до тех пор, пока осажденные сдадутся сами. Но вот, после 28-ми дневной осады, пришли в Татарию казаки, с 4-мя малыми орудиями. Узнав, что они находятся на расстоянии одного дня пути от Бахчисарая, Кандемир снял осаду и двинулся против казаков с целью победить их и взять в рабство, но казаки, сражаясь отважно и защищаясь, все шли вперед, а в 5-ти милях от Бахчисарая стали стрелять из орудий. Услышав залпы, Шяингирай отвечал тем же и все радостно вышли из города встречать казаков, а Кандемир и его ногайцы рассеялись в смятении. [110]

Казаки были приняты очень радушно Шяингираем и ханом. Им было позволено водрузить казацкое знамя, с изображением креста, на стене ханского дворца, как находящегося под их охраной, потому что в Бахчисарае все еще боялись ногайцев, тем более что при них находился другой султан, враг Шяингирая, который впоследствии был умерщвлен нынешним ханом Замбек. Но Кандемир вскоре прибыл в Каффу и изложил паше намерение падишаха, причем уверял его, что Шяингирай хотел взять Каффу, дабы отдать ее казакам, которым, кроме того, было обещано много рабов, почему и было бы необходимо пустить в город всех ногайцев для его защиты. Паша, одоблив это предположение, призвал ногайцев в Каффу; их оказалось великое множество и вступление в город людей с сотнями и тысячами телег и скота длилось 3 дня, к большому неудовольствию и страху жителей, помнивших, что случилось с ними в прошлый раз 62. Еще до окончательного вступления ногайцев, казаки, которые, тотчас как прибыли, разбили и рассеяли их, настоятельно уговаривали Шяингирая идти по пятам ногайцев и не дать им вновь соединиться. Шяингираю-же, живо помнившему прошлое, никак не верилось, чтобы Кандемир и его люди могли быть допущены в Каффу; кроме того он полагался на свои добрые сношения с пашой, пользовался его уважением и

всегда в письмах к нему называл его отцом, старости ради, — паше минуло 75 лет. По этим причинам Шяингирай, не послушав казаков, захотел, чтобы они отдохнули и освежились несколько дней в Бахчисарае, считая невозможным для ногайцев ускользнуть из его рук. Между тем паша поспешил послать морем извещение к падишаху о прибытии в Татарию столько тысяч казаков по приглашению Шяингирая, и об их присоединении к нему, для взятия совместными силами Каффы и передачи этого города казакам, причем единственную защиту города оставался Кандемир со своими людьми. В виду этого паша просил прислать скорее войска на помощь и позаботится об избрании нового хана, так как теперешний оказался мятежником. Удостоверившись в действительном вступлении Кандемира и Салмаши со многими ногайцами в Каффу, Шяингирай сильно рассердился и 18 дней спустя, вместе с братом-ханом, казаками, крымскими татарами и несколькими орудиями, явился перед Каффою и тотчас дал знать паше, что ему не следовало принимать чужих мятежных подданных, почему и требовал выдачи своих врагов, угрожая, в противном случае, отобрать их силой. Паша отвечал, что он впустил ногайцев в город для того, чтобы те не ушли, и что они неизбежно очутятся в руках Шяингирая, но сам город принадлежит падишаху, почему паша и счел необходимым его уведомить обо всем, иначе город мог бы быть разгромлен, а что ему, [111] Шяингираю стоит лишь немного подождать и он непременно получит свое. Хан и Шяингирай легко поверили этим словам, тем более что паша, при их силах, не мог бы не исполнить сказанное. Казаки возражали, советуя не верить, а ворваться в город, рассчитывая на добычу; Шяингирай сам был склонен к тому же. но хан все еще затруднялся, говоря, что он не помышляет о захвате владений падишаха. Таким образом они выставляли изо дня на день войска, на показ, по высотам вокруг Каффы, стреляя иногда из орудий на воздух, для устрашения. Видя как дело затягивается, Шяингирай стал подозревать, что войско падишаха пожалуй не прибудет, о чем он не заботился и даже ожидал этого, дабы пуститься в новое предприятие. Он разделил войско на три отряда: один под начальством хана Махметгирая с его знатными вождями и обычною солдатчиной; другой, под предводительством самого Шяингирая, с казаками, а третий под начальством Мемети-Аги (Memet-Aga), знатного крымского татарина, с остальными татарами. Этот самый отряд стоял около морского берега, ближе других к городу, куда постоянно посылал требовать выдачи своих врагов, на что оттуда отвечали просьбой потерпеть еще немного, а тем временем осажденные держались на стороже днем и ночью, для чего в город были введены с судов морские команды с пушкарями. С другой стороны Кандемир также видя, что войско падишаха не показывается и что хан медлит, стал очень бояться и подозревать христиан, находившихся в городе. Поэтому он уверил пашу в том, что будто бы получил некое уведомление о посылке христианскими священниками (Papassi) письма Шяингираю с просьбой войти в город и с обещанием содействовать ему, прибавив еще, что Шяингирай уже сделался христианином. Паша легко поверил Кандемиру и тотчас велел заключить в тюрьму всех отцов-священников, греческих и армянских, в числе 30-ти человек. Я один остался на свободе, отчасти как иностранец, а больше потому, что был любим пашой, природным калабрийцем из Поликарпо (Policastro), звавшимся Махмет-пашой и женатым на султанше 63. Итак, он велел заковать всех этих бедных отцов в тяжелые цепи, к тюремным дверям приставили стражу, не допускавшую никого из христиан переговариваться с заключенными. Так они провели 5 дней. 28-го июня паша издал приговор, по которому все отцы должны были быть повешены на следующее же утро. Целую ночь готовили виселицы, которые им и показывали. Но справедливый и милосердный Бог не оставляет невинных: на следующее утро, в день св. апостолов Петра и Павла, появились в Каффе две галеры с известием о предстоящем и непременно прибытии до ночи флота и нового хана; что действительно и сбылось. Священники получили [112] свободу за 800 реалов пени, без малейшего с их стороны признака виновности. Новый хан Замбекгирай приехал вечером (nell'ora di Compieta) 64, т. е. в 22-м часу 65, и тотчас был препровожден в обычное жилище, находящееся в предместье, вне Каффы, потому что ханам или царям Татарию ни в каком случае, не разрешается ночевать в Каффе — Замбекгирай провел ночь очень тревожно, хотя

и под сильной охраной; никто не думал, что он будет так долго царствовать, а Шяингирай даже осмеивал его. Когда наступило утро, все ожидали кровопролитной битвы, как вдруг на заре Мамет-Ага, который, быть может, среди ночи был тайком подкуплен, пошел целовать полу нового хана, вместе с знатнейшими татарами, и тем признал его своим законным государем и повелителем; теперь Мамет-Ага состоит визирем и на все руки (*factotum*) в Татарии. Затем, тотчас же возник ропот в станах и в полках (*squadroni*) или, как говорят турки, в таборах (*Taburri*) хана Махмета и Шяина так что озадаченный Махметгирай опасаясь худшего, немедленно покинул свой табор 66, со всем военным снаряжением и снабжением, и на добром коне, сопровождаемый 12-ю приверженцами, направился к лесу и горам, где за все 20 дней, проведенных им еще в Татарии его не могли найти, Шяингирай, видя, что одному ему ничего не сделать, ушел со всеми казаками и несколькими орудиями, под прикрытием надежных укреплений 67, по арабатской дороге, где ему предстоял однодневный переход; если бы он хотел уйти через Ор или Прекопе, то ему пришлось бы идти целых длинных пять дней, подвергаясь какой-нибудь опасной встрече. Перешедши на ту сторону, он набрал себе много чиркасов Его брат Махметгирай, вышедший потом через Прекопе, соединился с ним, а за тем, изо дня в день усиливаемый многими друзьями из Татарии снова собрал большое войско, твердо решив силою вернуться в свои владения. Они подошли к Прекопу и там образовали два стана: один под начальством Махметг., с татарами, чиркасами и несколькими сотнями казаков; другой под начальством Шяитг., с казаками и небольшим числом чиркасов С другой стороны, новый хан и Кандемир, с ногайцами, были также вполне наготове; однако все простояли несколько дней, не вступая в бой. Махметг. надеялся, что многие из крымских татар перебегут к нему, о чем он давал им знать много раз; но хитрый Кандемир, отгадав его замыслы, держал этих татар позади, чтобы не могли уйти. Затем он направил к таборам Махметг. многих храбрых всадников из своих ногайцев. Они успели туда к ночи, а Махметг., заметив их, сказал, что это татары перебежчики, и потому хотел открыть им вход; но козаки, подозревая измену, на то не соглашались; особенно в такой поздний час. Но наконец власть [113] хана одержала верх и их впустили. Тогда хан сразу увидел, что это не друзья патраки (*Patracchi*), пришедшие на помощь 121, а враги ногайцы, хотевшие предать его. Действительно, ногайцы бросились в рукопашную, а тут подоспел и табор Кандемира. Казаки сильно вознегодовали на Махметг., виновника стольких бед, решили лишить его жизни и умертвили его, прежде чем сами были перебиты. Шяинг. же, теснимый со всех сторон и видя, что по истине — *varii sunt eventus belli, et non debemus canere victoriam ante pugnam*, отпустил козаков, удовлетворив и наградив их по мере возможности, а сам ушел с немногими приверженцами в Персию, где ранее того прожил 12 лет и громко прославился, разбив 20 лет тому назад татарское стотысячное войско, проникшее в Персию через Чиркасию, по повелению падишаха Вернувшись в эту страну, Шяингирай был хорошо принят тамошним повелителем, который назначил его правителем одной из провинций. Пробыв три года на этом месте, он умертвил, в его собственном местопребывании, правителя другой провинции, обобрал у него все имущество и ушел в Кумрук (*Cumruch*), самую отдаленную часть Чиркасии, к своему тестю, тамошнему князю. Два года тому назад, он самовольно явился в Константинополь, отдав себя в руки падишаха, но под крылышком янычаров, коих янычар-ага лично принял его с судна, пригласил в свои покои и проводил к падишаху, заручившись обещанием, что его не обидят. Падишах принял Шяингирая с невероятным восторгом и почетом, удержал его при себе много дней, деля с ним трапезу и беседу, а затем, со многими обещаниями и подарками, отправил на двух галерах на Родос, где он находится и поныне 68. Шяинг. также поднес падишаху великолепные подарки, которые повелителю были очень любезны, в особенности несколько молодых чиркасов и чиркашенок, бесподобной красоты, прося прощения, при сем случае, за свои прежние вины, говоря, что перенес столько невзгод из за сношений с гяурами (т.е. христианами), и обещая впредь жить и умереть добрым мусульманином (т.е. турком), врагом христиан и персов 69. Но, если Шяингирай удалился на Родос, то нам пора вернуться в Татарию.

Итак, Татария подвластна татарину и турку, которому принадлежит Каффа и почти все побережье до Юзлеве, достояние хана, т.е. бывшая генуэзские владения. Ими управляет паша, пребывающий в Каффе; он назначает в каждый из тамошних городов по одному чиновнику, называемому субаши (Subbassi). Главнейшие города, которыми правит паша, следующие: Каффа, Балуклава, Манкопа (Мансора), Воспро, Тамань или Матрига — в Чиркасии и далее на расстоянии одного дня пути, Тумрук (Tumruch); ему подчиняется также Азак или Тана, но там особое [114] управление и Порта назначает туда бея, ничего общего не имеющего с пашой; теперешний бей, мой приятель, генуэзец. В управлении паши состоят более или менее крупные селения и все его подвластные — греки, по большей части вероотступники, по собственному беспутству 70.

Местопребывание хана в Бахчисарае, коего описание следует ниже.

Татарией правят четверо главных начальников, т.е. хан со своими главнейшими султанами, и трое других татарских князей, а именно: Ширин-бей, Крым-бей и Манкоп-бей, коих владения и подданные назначаются ханом 71. Эти все беи требуют с подданных подать и десятину; судопроизводство всецело в их руках, звание бея у них наследственное, но они считаются вассалами хана, который поэтому может на законном основании лишить их жизни и владений, передав последние кому захочет.

Как среди крымских, так и среди ногайских татар есть много знатных (Baroni), владеющих деревнями и называемых мурзами (Murusa); они все дворяне и пользуются потомственными правами.

Эти князья и главнейшие мурзы выезжают верхом с почетной свитой, где все вооружены луками и стрелами, с борзыми собаками и соколами, так как татарское дворянство очень любит охотиться; к седельной луке одного из начальников всегда бывает привязан тулумбас (tamborrino), на случай надобности во время охоты углубится в лес. В Татарии много разнородной дичи; там изобилие куропаток, обыкновенных и серых, фазанов и т.п. 72.

Дворянство татарское вступает в родство лишь с дворянами; всякий ищет равных себе. Татарин никогда не женится на рабыне, как это делают турки, а если он и проживает с нею детей, то таких называют туман (Tuman) и их можно продать, когда захотят, потому что они не считаются детьми 73.

Хан имеет двух сановников, непременно из султанов, сыновей, братьев или же из их потомков. Первый, зовется галгой (Galga), что значит первый долженствующий идти на войну; второй именуется нурадином (Nuradino) или мурадином (Muradino), что значит благодатный 74. Эти сановники назначаются ханом, по старшинству и по порядку наследия, так что если умирает галга то его заменяет нурадин; в случае смерти хана на его место станет галга, хотя ныне повелитель турок предоставил себе назначать или смещать ханов, кого и как захочет.

Царь и султаны Татарии — все из древнего рода Коркиз (Corchis). Сказывают, будто некая кёз (по-турецки и по-татарски значит — дева) зачала от солнечного блеска и родила сына, от которого все они и происходят 75. Потомки их, — будь они от ханов, от султанов, от [115] их жен или рабынь, — все князья с именем Гираев. Махметгирай, Замбекгирай, Шяингирай, и все одинаково могут получить ханство.

С оттоманским домом или турецким императором у них есть условие, по которому хан Татарии, в случае если оттоманский дом угаснет, наследует империю турка 76.

Доходы хана, от портовых городов, соли и податей, могут доходить до ста тысяч реалов. Хан получает еще очень много десятины с ржи и пшеницы и с невольников, приводимых татарами с войны, невольниками же или с их стоимости 77. Кроме того, он чеканит монету, аспры, полумедные полусеребряные. Ханы не желают, чтобы аспры падишаха ходили в Татарии даже в Каффе и в других местах, ему подвластных, потому что у этих ханов имеется избыток своих. Ещё менее желательно хану, чтобы ценность реала превышала 80 аспров, потому что его аспры не ходят вне Татарии. Купцы, приезжающие из Константинополя, Азии или Персии, либо едущие туда, постепенно изменяют ценность реала, повышая ее до 90, 100, 120 аспров и доводя до 160 аспров, т.е. двойной цены, как именно видим в настоящее время. Товары становятся очень дорогими, а всего хуже то, что при переплавке этих 160-ти аспров не получается стоимость реала. В подобном случае хан, видя падение своей монеты, чеканит новые аспры, с иным изображением, а затем рассылает их, куда 20 тысяч, куда 30 тысяч, куда больше, куда меньше, во все главные города, по цене 80 аспров за гросс (grosso), а взамен требует столько же реалов. При мне, за последнее десятилетие, аспры менялись пять раз, к великой выгоде хана, но в ущерб его подданным 78.

Падишах отпускает хану ежегодного жалования шесть тысяч реалов, получаемых им из портовых доходов.

Князь Богдании обязан доставлять хану 12 бочек меду в год, для приготовления напитка, принимая на себя расходы по отправке их на волах внутри Татарии 79.

Великий князь Московский (I Gran duka di Moscovia) ежегодно отправляет хану 8 тысяч реалов своей монеты, называемой нократ (Nocrat), по 60 реалов 80, и кроме того множество тюков собольих шкур, называемых самур (Samur), и других дорогих мехов, для самого хана, султанов, султанш, ханских жен и главных сановников, стоимостью доходящих до 25 тысяч реалов 81. Это посылается для того, чтобы татары не делали набегов, но они, получив дань, все-таки вторгаются туда. Так, за последние десять лет, татары, с согласия хана и даже по его приказанию, ходили шесть раз, а Москов (Moscovo), во избежание худшего зла, не может не посылать.

Поляк (Polacco) тоже имел обычай посылать хану, с той же [116] целью, 30.000 реалов, деньгами и тканями, но, видя, что не взирая на это татары являлись грабитель, уже 30 лет как прекратил посылку. То защищаясь от татар, то попадаясь к ним в плен, то давая свободу мщению казаков, но наконец поляки построили по всей татарской границе крепостцы, называемые паланками (palanche). Как только жители окрестных селений узнают о наступлении татар, а они всегда бывают о том уведомлены, даже когда те просто идут мимо, то со своими пожитками уходят в эти крепостцы, так что татары не только не могут полонить их, но сами оставляют на месте многих своих же. Таким образом за последние 10 лет было 5 набегов и татары всегда лишались доброй трети своего состава убитыми и пленными, так что они утратили всякую надежду, говоря, что Corel Saffi attese, т.е. поляк весь огонь 82. Однако в нынешнем 1634 году к хану приехал польский посол, г-н Стефан Наряоши (Stefano Nariaoschi) 83, и привез ему 30.000 реалов и даже более, но не в силу прежнего договора и не для войн, которые поляк вел с московом. Не из боязни, ибо падишах собирался идти на Польшу, но из благодарности за оказанную услугу, а именно, в прошлом году великий князь московский отправил к хану посла с богатыми подарками и с просьбою послать свои отряды в Польшу, тем более что сам падишах готовился снарядить туда крупнейшее войско и через многих гонцов посылал хану на то настоятельное предписание. Но хан по истине не мог это исполнить, ибо не мало боялся за свою голову, в случае выхода из Татарии, потому что прошел слух, будто Шайингирай должен прибыть морем с войском, а также по причине многих жалоб, поданных на него за несправедливое убийство султана

Галги, красивейшего и храбрейшего князя, имевшего четверых родных братьев, тех же отца и матери, не менее его великодушных и очень любимых. Чтобы упрочить за собою царствование, хан, за одно со своим единственным сыном и с единоутробным братом, внезапно велел умертвить вышеупомянутого султана в своем собственном дворце, после того как они вместе пообедали. За сим хан послал убить и других братьев, но они, узнав тотчас о случившемся, ускакали на добрых конях в Константинополь искать правосудия у падишаха 84. По всем вышеизложенным причинам, хан немедленно отправил посла к светлейшему польскому, для объявления своей дружбы. Поляк, не зная скрытых побуждений хана, задержал его посла, а через своих передал ему, что желает иметь явные доказательства его дружбы, каковыми будет посылка ханом войск в Московию, и тогда король не преминет ответить ему взаимностью. Хан, которому всегда было легко в Московии, еще более надеялся на то же в предстоящую войну. Он вскоре вывел в поле слишком пятьдесят тысяч [117] татар, под начальством своего единственного сына Салмаши и брата Кандемира, тотчас отправил это войско в Московию и снарядил послов к Поляку, дабы уведомить его обо всем сделанном, из дружбы к нему. Успех соглашения вышел такой, что в Московии было взято 20.000 пленных, а Поляк прислал хану 30 тысяч реалов 85. Ханы также имеют обыкновение предлагать свои услуги другим государям, суля им золотые горы, лишь бы самим получить от них какой-нибудь подарок. Хан так поступил 4 года тому назад со светлейшим Густавом, королем шведским, который прислал ему через собственных послов великолепные вазы из золоченного серебра, тончайшей выделки; а за год до того светлейший трансильванский тоже доставил хану подобные вазы. В прошлом году хан снарядил к кесарскому императорскому величеству своих послов. Татары были им приняты с большим почетом и богато одарены, так что неустанно восхваляли его щедроты и ласку, тем более что в Татарии ничего подобного не увидишь; им обещали послать подарок и хану, в знак благодарности 86.

Расходы хана следующие: содержание двора, жалованье тысячи наемников пицальников 87, которых он содержит, подарки многим высокопоставленным лицам оттоманской порты, многим чиаушам (Chiaussi) 88, ежегодно прибывающим от падишаха, и многим знатым чиркасам, посещающим хана; таких бывает всегда много, от близкого соседства, и они постоянно ищут наживы 89; за всеми этими расходами не остается ничего или очень мало; но, в конце концов, ханы-государи и потому ни в чем не терпят недостатка.

Главнейшие населенные места Татарии — Каффа, Юзлеве, Бахчасарай, Карасу, Балук-лава, Манкупа, Воспро и Прекопе.

Каффа, вместе с крупнейшим предместьем, называемым Топракала (Topracala) 90, имеет пять мил в окружности. Здесь как бы один город внутри другого, потому что генуэзцы построили сначала один, имевший 2 мили в окружности, с хорошими стенами и бастионами, а затем, когда вокруг этого жилища населения умножились, они обвили город новыми стенами, как это видно теперь. Истории говорят, что Каффа прежде называлась Феодосией, будучи построена императором Феодосием; но от неё не осталось и следа, ибо как в первом городе, так и во втором видны лишь генуэзские гербы и имена. Со стороны суши город окружен очень большими рвами, но без воды, так как здесь местность то подымается, то опускается. Стены, стоящие за рвами, двойные, засыпаны землею с многочисленными куртинами и бастионами. Возвышающиеся близко над городом холмы, густо уставленные ветряными мельницами, не усиливают его, но были введены в оборону [118] рассчитывая защищаться только от татар, употребляющих луки и стрелы, а не осадные орудия 91. Зато там есть два крепких замка, оба на одной и той же стороне города: один над воротами в Татарию, построенный генуэзцами, снабженный рвами и многими крупными орудиями; он защищает город с моря; другой вне предместья, на небольшом холме, построен турками. Он не очень велик, круглого очертания, сложен из сырцовых кирпичей и одновременно обороняет город с суши и с моря. Город расположен полумесяцем; на левой оконечности его

стоит замок, обращенный к порту, хотя и открытому северо-восточным и восточным ветрам, но вполне надежному, благодаря илистому дну, крепко задерживающему якоря, так что ни один корабль в нем не погибает 92. Каффа изобилует мясом, винами, птицей, рыбой, молочными скопами и плодами, а зимой углем и дровами. В город через ворота Татарии ежедневно въезжают 500, 600, 900 и до тысячи телег, а под вечер ни на одной из них не остается ничего для продажи; таким образом, если Татария ад, то Каффа несомненно врата его. Но главный источник богатства Каффы — море, снабжающее ее всеми, какие можно пожелать, Божьими щедротами; поэтому Каффа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии. Город населен турками, греками, армянами и евреями. Турки имеют там до 70-ти мечетей; греки до 15 церквей и митрополита 93; у армян до 28 церквей и епископ; у евреев — 2 синагоги, по одной на каждую народность (per Natione) 94. Что касается латинян, то в настоящее время в Каффе нет таковых среди уроженцев города, там проживающих; здесь так долго не было франкского священника, что, если в Каффе раньше и оставались несколько католиков, то они, женившись на гречанках, сами перешли в греческий обряд; таких теперь не мало, и они, не веря в долгую настойчивость латинян, не решаются снова возвратиться к латинскому обряду из боязни быть презираемыми. Тем не менее, по милости Господней, в Каффе сохранилась церковь, во имя св. Петра итальянцев (San Pietro d'Italiani), по местному названию френк-эклизия (Ecclisia), обширнейшая и великолепнейшая из всех церквей, находящихся в руках христиан, прекрасной каменной работы, вся покрытая сводами. Эта церковь сохранилась по милости и на средства армянского населения; находясь среди армянских церквей и будучи лишена латинского священнослужителя, как было сказано выше, она стала достоянием турецкой казны, которая задумала уничтожить ее и уже повытаскали много камней из смежных с нею помещений, а равно и из самого здания церкви; снимали и крышу, так что по сию пору, за отсутствием средств к её исправлению, она стоит в таком виде. Видя это, армяне, движимые похвальным рвением, выкупили [119] ее за восемьсот grossов (grossi), а 10 лет тому назад, когда мы приехали сюда, весьма ласково и предупредительно ввели нас во владение оной. Теперь каждый из нас, в свое время и без препятствия, совершает в ней богослужение 95. Наша паства состоит из нескольких поляков-невольников, или галерных рабов, когда таковые бывают при паше, а иногда из купцов, венецианцев или хиосцев, приезжающих для закупки белуги, либо икры. Теперь достаточно сказано о Каффе.

2-ой город, Юзлеве, возведен прежними ханами. По его остаткам можно видеть, что раньше здесь был город, построенный квадратным очертанием и обведенный стеной. Юзлеве стоит на равнине, близ моря, слабо защищен невысокой стеной без рвов. Казаки неоднократно грабили его, особенно в прошлом году; после грабежа они подожгли лучшую часть города и таким образом сгорела четверть его. Но затем Мехмет-Ага, нынешний визирь хана, начал строить и в этом году окончил великолепный хан или харвасария (Can[o] Harvassaria), как убежище для купцов и горожан. Этот хан имеет очень высокие стены из дикого камня и по четырем сторонам двора сводчатые помещения в два яруса; стены с бойницами и охраняются часовыми, так что поверху стен можно расхаживать вполне безопасно. Подобное здание должно бы называться не ханом или караван-сараям, т.е. обыкновенным заезжим двором, а сильным и надежным замком, более обращенным к морю, чем к суше 96. Юзлеве город торговый, куда съезжаются купцы из разных стран, но он не таков, как Каффа.

3-ий город, Бахчисарай, столица хана. Он расположен в ложине, между двух гряд скалистых гор одинаковой, хотя и не особенной вышины, так что с обеих сторон легко спускаться вниз. На верху пастбища и проезжие дороги. Этот город не окружен стеной и не имеет замка, лишь во дворце стоят несколько малых орудий. С одной стороны этой ложины можно свободно войти в город обыкновенной дорогой, с другой же стороны ложина выходит к замку крепкому не стенами, а своим местоположением; он находится в двух милях от города и населен евреями, которые днем спускаются к лавкам в Бахчисарай, а вечером возвращаются

домой. Место называется Топракала (Topracala) 97. Далее замка следуют крутизны, рощи и леса.

На половине дороги или пути к этому замку, на расстоянии почти одной мили от Бахчисарая, стоит с правой стороны высочайшая скала, гладкая как стена, на половине высоты которой находится старинная церковь, во имя пресвятой Богородицы, целиком высеченная внутри скалы, равно как и ступени, ведущие к ней; подымаясь по ним, порядком вспотеешь. Церковь вмещает до пятисот человек; она пользуется величайшим уважением у бесчисленного множества христиан, [120] стекающихся, туда из разных местностей Татари, главным образом к празднику Успения, в августе месяце. В скале высечено также много иных помещений. В церкви служат греческие священники. Город Бахчисарай от моря по направлению к Балук-лаве всего на малый день пути; в нем вкуснейшая и обильнейшая родниковая вода, вытекающая из скал, так что нет надобности ни в водопроводах, ни в каналах.

4-ый город, Карасу, находится в середине Татари. Это большой город, но без стен. Он построен и вырос в наше время, благодаря своему удобному расположению и торговому значению: сюда как бы на ярмарку прибывает с разных концов Татари много народа, по средам и четвергам. Султан галга живет доходами с этого города. Посреди него течет река, называемая Карасу (Carasu), давшая название городу, а на нашем языке это значит — чёрная вода; и действительно три года тому назад река породила бедствие 98, так как, после чрезмерных дождей в горах, она до того вздулась, что выступила из берегов и, наводнив Карасу, сорвала и снесла более 300 домов со всем содержимым, причем утонуло более 150 человек, ибо бедствие случилось ночью и неожиданным образом. Эта местность была, годом раньше разграблена казаками, которые шли сюда сухим путем один день и одну ночь. Они также сожгли много лавок и убили многих, попавшихся им на встречу, а в том числе и армянского священника, шедшего с фонарем в церковь. С ними бежали более 200 невольников 99.

Это место весьма подвержено разным бедствиям. Саранча, о которой будет сказано своевременно, нигде не причинила столько убытка, как в его окрестностях. Падишах неоднократно посылал хану приказание уничтожить этот город Карасу, так как его подданные, а в особенности иноземцы, проживающие в Каффе, постоянно уходят с семьями на жительство в Карасу и таким образом пропадает подать, *viva Karag*, как они говорят 100. На все эти приказания хан ответил, что паше следует управлять помягче, не подвергая подданных дурному обращению, и тогда в Каффу возвратятся не только подданные падишаха, но и многие из подданных хана перейдут туда же, так как Каффа богатый приморский город, и не останутся в Карасу, т.е. в месте более бесплодном, чем всякое другое: *vere sic est digna Regis responsio*. Совершенно верно, что под татаринoм живешь несравненно спокойнее и платишь меньше дани, чем под турком.

5-ый город, Балук-лава, славится своим портом, о котором мы уже говорили в описании Черного моря, и обширностью окрестных лесов, представляющих такое разнообразие строевого леса, что при виде их впрямь изумляешься. Там строятся ежегодно крупнейшие галеоны [121] (Galioni) для доставки толстых бревен в Александрию 101; в последние годы там стали также строить галеры; в прошлом году спущено было пять галер, и я слышал, будто в нынешнем году сделан заказ на 6 галер, но выполнить его невозможно, по недостатку умелых мастеров. В этой местности находят род земли мыльного цвета, так называемый кил (Kil). Будучи разведен в воде, он лучше всякого мыла оmyвает руки, запачканные маслом или салом, а также очищает саму воду от грязи и жира. Кил вывозится во многие места и даже в Константинополь 102. При генуэзцах этот город был густо населен, о чем свидетельствуют поныне сохранившиеся следы, но теперь он опустел; в нем живут

лишь корабельные рабочие и то по случаю по стройки вышеупомянутых галер; так как им приходится работать во всём бейлыке, то они по мере надобности уходят на жительство в другие города. По своему местоположению это наименее холодный угол во всей Татарии 103.

6-й город, Манкопа, замок между Балуклавой и Бахчисараем, сильнейший по неприступному положению на горе, края которой — высокие скалы в виде стен без уступов; на них можно взобраться только с одной стороны, по извилистому пути, недоступному телегам. Над городом нет ни одной возвышенности, с коей его можно было бы обстреливать; одним словом, это последняя крепость сдававшаяся Турку. Это большой и значительный город на ровном месте, но всего чудеснее то, что в нем и над ним не простые источники, громадные родники, словно бочки, дающие чистейшую и вкуснейшую воду; удивляешься, думая, откуда она исходит, так как кругом одни глубокие ущелья 104. Итак, здесь проявляется *ad litteram* всемогущество Создателя, который рек в Пс. 103 — *Super montes stabunt acque* 105.

Здесь пребывает кади, т.е. судья, назначаемый из Константинополя. Город почти разрушен и мало населен; его жители — греки, турки и евреи, но более всего евреев, выделяющих большое количество кож. В этом замке, боясь казаков, хан и иные знатные татары тех краев хранят свои самые драгоценные вещи; но все-таки 4 года тому назад польские казаки, пройдя лесом 4 мили, появились на рассвете к самому открытию ворот и, забравшись в город, захватили богатейшую добычу; но, так как окрест города, не очень далеко от ханских ворот, местность густо населена, то всюду разнеслась быстрая молва о происходящем; тогда поселяне большой толпой напали на казаков и отняли у них не мало добра. Многие казаки, по примеру предусмотрительных охотников на тигров, бросая добычу, почему многие из преследовавших разбогатели, сами прятались в лесах, где их не настигли; иные же были убиты или попали в рабство. [122]

7-ой город — Воспро, по-турецки Киейст (*Chieist*) 106; о нем было упомянуто в предыдущем описании морских стоянок. Это не очень большая, но сильная крепость, со стенами и рвами, хорошо содержимая, так как стоит на пути московских казаков, которые не раз пытались забраться в нее, но напрасно — их всегда отражали; разумеется, это заставляет быть все лето на стороже, днем и ночью. Внутри крепости находится не очень большая церковь, во имя св. Георгия, принадлежащая грекам, в которой есть алтарь с куполом, поддерживаемым 4-мя великолепными колоннами из мрамора. На верху этого купола виднеется очень много раковин, устричных и иных морских (*frutti di mare*), так вросших в камен, что они кажутся как бы находящимися на месте своего происхождения; местные жители говорят, по наследственному преданию, что эта часовня найдена в море 107.

В житии св. Климента папы, сосланного на этот самый остров Татарии имеется сказание о подобной часовне, воздвигнутой руками Ангелов и хранящей тело св. Климента, в 3-х милях от берега, в морской глубине: *In modum Templi marmorei Angelicis manibus prepara*. Но история гласит, что это было в Херсоне (*Chersona*): *Clemens transmare Ponticum in solitudinem Urbis Chersona relegatus est*; а этот город отстоит от Воспро более, чем на 250 миль. Хотя мощи св. Климента были перевезены в Рим, по повелению папы Николая I-го, но вышеупомянутая часовня не была доставлена туда, как в более надежное место.

Вокруг Воспро, в порте и море, ловится самое большее количество белуг.

8-й город — Прекопе или Ор; о нем сказано в начале этого описания. От него Татария прозвалась Прекопской (*precopensis*).

Других значительных городов в Татарии нет. Попадаются большие остатки разрушенных городов вроде Крыма, о котором мы уже говорили, давшего Татарии название Крымской. Судак, на расстоянии одного дня пути, стоит на морском берегу, где, как уверяют, были другие деревни и одна церковь, в настоящее время видны уцелевшие стены многих. Окрест города обильно производятся превкусные и крепкие вина, а также произрастают прекрасные и нежные плоды, как-то: яблоки, груши, айва, черешни, вишни, сливы, мушмула и др. подобные, хорошо выдерживающие холод; хотя в этой местности, обращенной к югу и защищенной с севера горами, он бывает очень умеренный. Одним словом, это самое прелестное место Татарии; но в настоящее время там нельзя собирать виноград, потому что казаки ходят туда грабить десятину.

Херсона (Chersona) близ Балуклавы, ныне совсем разрушена и покинута. [123]

Инкриман (Incriman) был очень большим городом напротив Акримана (Acriman) в Ромелии. Прежде из Акримана держали путь не на Юзлеве, а прямо на Инкриман, но этот город был разрушен казаками, для которых он был первым препятствием, встречаемым с моря. Затем, по всей Татарии есть такое множество селений и деревень (Ville), незначительных, но зато частых, что в списках хана записано их более 60-ти тысяч 108; и если бы каждая из них снаряжала на войну лишь по два всадника, то всякому легко представить себе, каково могущество хана, какими силами он располагает и почему он одновременно страшен Европе и Азии. Но с Божией помощью в будущем никто не будет бояться татар: их численность и положение далеко уже не те, как мы увидим в конце этого описания.

Властители Татарии имели обыкновение идти воевать дважды в год или по крайней мере хоть один раз, но подобные предприятия следовало бы скорее называть разбоем, чем войной. Шли на войну летом, когда кони отелись на внешних травах, и зимою, но непременно в ту или другую пору; выступали до 100 тысяч человек приблизительно, направляясь либо в Польшу, либо в Московию или же в Чиркасию, несколько раз ходили даже в Венгрию. Идя на войну, татары придерживаются следующего обычая: Каждый всадник берет с собою по крайней мере двух коней, одного ведет в поводу для поклажи и пленных, на другом едет сам. Если он чувствует что лошадь под ним устала, то садится на другую, ведя первую в поводу, чтобы дать ей отдохнуть. Их лошади не кованы; в Татарии придерживаются подобного обычая для того, чтобы лошадям не было больно и они не хромали, если дорогой потеряют подкову. Седло у них очень легкое и весит менее 6-ти итальянских фунтов; под него подстилают небольшой войлок, который, будучи развернут, не превышает в длину роста человека, Кожа, покрывающая седло, держится на ремнях и отделяется от седла, так что для спания всаднику раскрытый войлок заменяет тюфяк, кожа служит ему простыней, седло подушкой, а одежда одеялом; так он почивает сладким сном. Повода тоже очень легки, с тонкой железкой в виде удил. Их лошади весьма смирны; не найдешь такой, которая кусалась бы или лягалась, к тому же они удивительно выносливы и могут пробежать, как бы рысью, сто миль в день; так они идут 3 или 4 месяца, не утомляясь. Они также способны долго переносить голод; зимой, когда нет подножного корма, лошади роют копытом землю, даже при глубоком снеге до тех пор, пока не докопаются до корней травы, чем и питаются, так как татары не запасаются в дорогу овсом для коней, довольствуясь сами 6-ю или 8-ю фунтами теста из гороховой, ячменной или хлебной муки и из кислого творога, называемого [124] тогурт (togurt) 109. Татары имеют при себе объемистую деревянную чашку и большую ложку, а когда чувствуют голод, то разводят немного теста в воде, съедают 8 или 10 ложек этой смеси и тотчас же продолжают путь безостановочно.

Добравшись до неприятельских границ, все знатнейшие татары собираются на совещание касательно дальнейшего образа действия; затем, увы, сколько горя и печали. Хан или другой князь, стоящий во главе войска, остается на своей земле, с 2-мя или 3.000 всадников, в

качестве телохранителей. Остальное войско делится на несколько частей: 4 или 6 тысяч человек идут на право, столько же на лево, а прочие прямо переступают границу и там, расходясь по сторонам, в разных местах и одновременно забирают кто отца, кто мат, кто сыновей, кто дочерей, кто дядю, кто племянника — , одни хватают мужа, другие молодую жену; одного отрывают от сохи, другого от жилища; так что ничего не слышно, кроме криков, плача и жалоб. Пленных, связанных веревками, закованных в цепи и кандалы, подвергают жестокому обращению и даже заставляют их усиленно идти пешком, погоняя палочными ударами; если только татарам попадутся пригодные вещи, они их не оставляют, а навьючивают на лошадей. Таким образом, нагруженные добычей, они возвращаются восвояси. И в самом деле, к ним вполне подходит название татар, так как оно происходит от греческого глагола “таратто” (Taratto), т.е. я тревожу 110; говоря по правде, никто, скажем мы, так не тревожит людей, как татары. По возвращении в Татарию, на долю пленных выпадает новое горе: победители делят их между собою и тогда печаль еще усугубляется тем, что иному достается мать, иному — сын, кому — муж, кому жена; затем их ведут в разные города Татарию на продажу. Там невольников выставляют на показ, как невинных овец, предоставляя их на выбор любого покупателя, который ничуть не стесняясь рассматривает и ощупывает их, дабы узнать, нет ли у них какого-нибудь скрытого порока, существенного изъяна. Среди пленниц бывают иногда красивые и благородные девицы, которым румянец стыда придает еще больше красы; таковых развозят в Константинополь, в Азию, в Европу, на восток и на запад.

Но уповаю на Господа, что *Indicium Dei pervenit ad illos*, ибо за последние 10 лет, по Божией милости, татары забыли дорогу, особенно в Польшу. Мы уже упомянули о том, как в течении 10 лет они ходили туда 5 раз и всегда с уроном 3-ей части убитыми или попавшими в рабство, из самых храбрых воинов; татары до того напуганы, что многие из них вернувшись поклялись забыть дорогу в Польшу, говоря “*corel saffi, attese*”, что значит: Поляк весь огонь 111. [125]

Они также воздерживаются ходить в Чиркасию, потому что там очень воинственный народ. Хан отправляется туда лишь в том случае, когда какой-нибудь знатный черкас позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, другому могучему князю. Надеюсь тоже, что московы, которые в настоящее время не воюют ни с кем, примут меры против татар, ибо московский государь весьма могуществен.

Чиркасия разделена между многими владельцами (*Baronaggi*), ими называемых — бей (*Bei*). Они более склонны к междоусобицам, чем христианские властители, и постоянно воюют из за краж, так что иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата; враждуя по поводу судебных приговоров или убийств, что у них случается ежедневно, а иногда из за вопросов чести, они дерутся без пощады. Всякий, кому не хватает сил собственных подданных (*Vassali*), обращается за помощью к дружественному властителю; дело доходит до того, что один из противников одерживает верх над другим. Этот последний, чувствуя себя оскорбленным, призывает на помощь хана, обещая ему 200 или 300 рабов. Хан более чем охотно пользуется случаем и тотчас собирает 40 или 50 тысяч воинов, с которыми идет к позвавшему владельцу. Тогда другой противник, видя, что ему приходится плохо, начинает обдумывать свои обстоятельства и для лучшего исхода решает сойтись с ханом на стольких-то невольниках; затем, при посредстве того же хана, обе стороны заключают мир. Правда говорят, что *Inter duos litigantes*, иначе татарину было бы мало выгоды от чиркасов, хотя он и следит за ними, особенно если бы между ними царило согласие, тем более, что они очень воинственны и у них густейшие леса и крутые горы. Но теперь чиркасы тоже огляделись, прошло уже много лет, как они перестали звать хана.

Чиркасы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их черкес спага (Cerches Spaha), значащим благородный, конный воин. Действительно, чиркасская знать, даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом, в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золоченого серебра. Их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами всадники стройны, изящны и тонки в поясе; у них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми другими женщинами в мире.

Замужние прикрепляют к задней части головы как бы другую, набитую материями, так что они ходят словно с двумя головами. Девицы носят шапочки и распускают, волосы. Одежда всех мужчин красного цвета, другого они не знают 112. Носят они верхнее платье [126] до колен, рукава его сверху широки, снизу обтянуты и разрезаны или открыты вдоль, как у испанцев или французов. Чулки носят в обтяжку; башмаки узкие с одним швом спереди, без всяких украшений, и никоим образом не могут ни растягиваться, ни распускаться : они точно приклеены к ногам и придают изящество походки. Плащ из отдельного куска материи, узкий около ворота, а внизу широкий, так что едва обрисовывает стан; им запахиваются со стороны ветра или дождя, но вообще носят на левом плече, освобождая правую руку, чтобы можно было сражаться; их шапки черные, без полей, с длинными волосами, как у наззарен (Nazzareni) 113.

Чиркасы очень вежливы в обращении. Беседуя с особами высокого звания, всегда держат шапку в руке; входя и выходя шаркают правой ногой подобно придворным. Они любят принимать приезжих в своих домах, так что, если случится гость, будь то знатный или купец, то хозяин оказывает ему всякую ласку и почет. Его дочери, будь они самые благородные и красивые девушки, не только не прячутся от гостя, но целуют ему руку и заботятся о чистке его платья, а если оно где-нибудь прорвано, то починяют его как можно лучше; они мастерицы по части шитья и по всем хозяйственным делам. Пока гость ест, хозяин дома прислуживает за его столом и притом с непокрытой головой, если гость из почетных, а сам садится лишь по просьбе гостя. Все пьют за здоровье приезжего, начиная с хозяина; за ним жена, сыновья и дочери, причем все становятся на колени с непокрытыми головами, а женщины пьют прикладывая левую руку к голове, в знак доброго пожелания. Вина у них нет, потому что там виноград не произрастает, но есть дикая лоза, указывающая на возможность его добывание; за то пьют мольцо (molzo), приготовленный из меда, которого очень много делают также водку (acqua vita) из зерна и другой напиток, называемый боза (boza), отвар обдирного проса, разбавленный водою 114. Пока гость находится в доме хозяина, его вещи, даже не запертые, тщательно охраняются; но лишь только он пустится в путь по Чиркасии, не будучи сопровождаем лицами известными, то может быть уверен, что не только его пожитки перейдут в чужие руки, но и ему самому будет угрожать опасность попасться в рабство, быть отвезенным в дальние страны и там проданным. Обыкновенно же хозяин дает гостю охрану.

В Чиркасии зерновой хлеб не употребляется, хотя зерно и сеется; но взамен хлеба едят густо сваренное в котле просо, без соли, и называют его паста (pasta) 115. Оно делится на куски, которые подаются к трапезе. В Тумруке (Tumguch), на расстоянии доброго дня пути внутри Чиркасии, мне пришлось питаться им целых восемь дней и оно мне показалось очень безвкусным. [127]

В случае возвращения в тот город, где уже был прежде, путник избегает останавливаться у нового хозяина, хотя бы и был раньше к тому приглашен, так как прежний хозяин счел бы себя обиженным, тем, что ему показывают, будто он дурно принимал гостя; и так, приезжий

обязан вернуться в прежний дом, но ему дозволено принимать приглашения на трапезу и в другие дома.

Благородный чиркас роднится лишь с благородным и равным себе лицом, тщательно избегая уронить свое звание; касательно чести чиркасы щепетильнее итальянцев. Отцам и братьям намеченных девушек молодые чиркасы дают в приданое некоторое количество коней, кольчуг, красивых мечей, платьев, серебряных чаш, смотря по тому, сколько они потребуют того или другого. Деньги давать не принято, даже среди купцов, но существует обмен вещей; в Чиркасии много прекрасных мехов и за них отцы и братья уступают дочь или сестру, с тою лишь одеждою, которую она имеет на себе. До замужества девушки бывают на обедах, на празднествах, где играют, поют и пляшут. Чиркасы очень веселый народ; они пляшут всегда на носках, что весьма трудно, но зато красиво. По выходе замуж женщины долгое время, иногда годами, не показываются ни теще, ни зятям, ни близким родственникам, живя отдельно от них, хотя бы в одном и том же доме, а при случайной встрече они отворачиваются и склоняют лицо, дабы не видеть их. По истечении этого времени молодую женщину угощают обедом и дарят ей хорошее платье или шубу, или же что другое, по её вкусу, предварительно узнав, чем бы ей угодить. Затем ее принимают в дом с поцелуями и добрыми пожеланиями; тогда у неё, быть может, уже двое или трое детей. Начиная с этого дня, молодая супруга имеет право ходить туда в любое время и есть вместе со всеми, но в присутствии тестя ей не разрешено говорить или отвечать другим, даже мужу; она может объясняться лишь знаками. Это продолжается один год.

После чего тесть дает ей 2-ой обед и делает 2-ой меньший подарок, а она приобретает право говорить по мере надобности.

Все эти обрядности существуют поныне у наших латинских христиан в Феччиале (fecciala), именующих себя черкесами-франками (Cercnessi franchi). Когда турки отобрали у генуэзцев Каффу, около 180 лет тому назад 116, многие из знатных были увезены в Константинополь, где им отвели улицу для житья, по близости дворца императора Константина Великого, которая ныне называется “Кеффе-магалази” (chieffe Mahalasi); там проживают теперь только две семьи 117. Другие ушли в Чиркасию из-за своих жен, ибо многие женились на чиркашенках, так что в настоящее время получили от чиркасов название франк [128] кардаш (french Cardasc), что на их языке значит — франки наши братья. Иные остались в Каффе, но, за отсутствием латинского богослужения и такового же священника, они, следуя за своими женами — гречанками, перешли в греческое вероисповедание. Иные же остались при дворе хана, даровавшего им селение, называемое Сивурташ (Sivurtasc), т.е. остроконечный камень, которое до сих пор существует и заметно издали 118. Хан дал им также бея той же национальности, называвшегося Сивурташ-беем. Хан очень дорожил ими и отправлял их в качестве послов в Польшу и к другим христианским государям; сделал их всех спагами (spaha), т.е. придворными дворянами; избавил их от уплаты податей, десятины и прочих налогов, обязав только сопровождать хана на войну. Со временем бей перешел в магометанство, многие последовали его примеру. Сивурташ находится на близком расстоянии от ханского дворца, потому приезжавшие к хану знакомые или родственники чиркасы уходили затем к немногим христианам, оставшимся в Сивурташе, и сильно стесняли тех, а потому они, 30 лет тому назад, со всеми семьями, переселились в Феччиалу, на полдня пути далее, но в стороне, в прелестной местности, орошенной рекой, с источниками вкуснейшей воды и изобилием плодов 119. Они пользуются льготами наравне с чиркасами и имеют одинаковые с ними обычаи и обряды, но, из боязни хана, вместо мечей, им служат языки для злословия; единодушны они бывают только когда пьют вместе. Выделывают вино и едят обыкновенный хлеб. Их всего 12 домов всегда бывших латинского вероисповедания, заимствованного из Польши или Италии, но говорят они не по-итальянски, а по-турецки, по-татарски и по-чиркаски. Они хорошо знают “Отче наш” и “Богородицу” по

латыни. Мы же исповедуем их и говорим проповеди на материнском языке страны, т.е. по-турецки. Мужчины, сопровождающие хана на войну, по уходе от него, пускаются грабить вместе с татарами, а пленных и их детей ставят ниже рабов, отнимая у них на веки надежду на освобождение, если только они не выкупятся за деньги, и заставляя обрабатывать свои земли, на которые сами даже и не заглядывают. Они не хотят терпеть ни наставлений, ни осуждений, ни постановлений; таких мы укрощаем не отпущением грехов, до тех пор, пока они не сократят надлежащим образом срок неволи пленным. У них было принято долголетнее сожительство с женщинами, от которых имели детей, а потом призывали священника, хотя бы греческого, и венчались с этими женщинами; но мы и это исправили. Подобно чиркашенкам, тамошние женщины, выйдя замуж, не показываются и, даже еще хуже, за все время такой жизни не хотят посещать церковь, из боязни встречи с родственникам, и в этом нас не следует упрекать, ибо мне не мало [129] стоило уговорить одну из них, после 4-х лет стараний, придти в церковь. Полагаю, что таким образом и хуже того поступали бы женщины в Чиркасии, в силу философского правила: *Propter quod unum quodque tale, et illud magis*, ибо, если наши женщины, всегда имевшие духовных отцов для обучения, придерживаются, по примеру чиркашенок, столь диких обычаев, то чиркашенки еще продолжительнее воздерживались бы от посещения церкви, так как у чиркасов нет ни храмов, ни священников, а имеются лишь так называемые шугуены (*sciuguen*), заменяющие духовных лиц. Эти шугуены умеют читать немного по-гречески, чему их духовные отцы или сами они научились в Татарии; они же освящают и благославляют курбаны или жертвоприношения, отпевают покойников и т.п.; впрочем, некому служить обедню или совершать иное таинство. У них не существуют ни буквы, ни письма, почему турок и дает им оскорбительное прозвище “чиркас киетабзис”, что значит черкес без букв и без книг 120, Право не знаю, отчего священники из других стран не могли удержаться среди них; потому ли, что подвергались ежечасным кражам, так как эти чиркасы не щадят никого, или же по причине их убогого и как бы шипящего языка, труднее которого нет другого в мире. Но мы все-таки призваны быть виноградарями сих краев, если только Господу будет угодно открыть нам пути. Несколько лет тому назад я уже отправлял туда моего товарища, отца Джованни да-Лукка (*Gio. da Lucca*), чтобы узнать о положении христианской церкви; местная знать оказала ему почетный и радушный прием и выразила полную готовность принять нашу миссию; духовные труженики уже находятся на пути, — да приведет их Господь к спасению.

У них сохранились некоторые добрые христианские обычаи; напр. по вторникам, средам и пятницам они не едят мяса круглый год; соблюдают посты перед праздниками св. Апостолов в июне и Успения пресв. Богородицы в августе; постятся несколько дней перед Рождеством Христовым, а также весь великий пост, все по уставу греческого вероисповедания. Но теперь пора вернуться к описанию Татарии хотя сказанное о чиркасах не чуждо нашей задачи, так как они входят в пределы Татарии многочисленны и имеют много поселений Татария населена: татарами, турками, чиркасами, греками, армянами и евреями. Татары двух видов или ветвей: крымские татары местные (*del Paese*), старожилы и татары-ногайцы, пришедшие сюда, около 200 лет тому назад, из Скифии (*Scithia*), под предводительством 12-ти мурз (*Murusa*) и под верховным начальством хана Крымские татары называются патрак (*Patrach*), по имени реки, протекающей в Татарии, оба берега которой покрыты множеством селений, ими обитаемых, откуда они потом [130] расселялись по всей Татарии 121. В настоящее время татары-ногайцы считаются главнейшими, не по численности, а по богатству и знатности рода. Трое властителей Татарии находятся всецело в руках ногайцев; ханы выдают своих дочерей за их сыновей, а старший из их князей, называемый Ширин-беем (*Scirin-Bei*), один имеет право коснуться ханской крови, если того потребует правосудие 122.

Между этими двумя племенами татар, есть разница в обычаях. Крымские татары или татары патраки по наружности походят на прочих людей, белого цвета кожи или пшеничного; они

не отличаются и нравами. Ногайцы же как бы оливкового цвета, впадающего в черноватый (*color olivastro, et tirano al negro*). Лицо у них короткое, виски большие и широкие, глаза маленькие, круглые и впалые, так что едва заметны. Но их зрение очень остро: ночью, среди густейшей тьмы, они различают дорогу, по которой должны идти. После рождения они целых 8 дней не открывают глаз, а лишь слегка мигают, за что турок их и прозвал собакой, татар копек (*Tartar chioppesch*) 123; но это прирожденное свойство слабеет по мере того, как ногайцы рождаются с крымскими татарами. Носы у них сплюснутые и короткие подбородки; спят съежившись и не любят видеть свет от огня. Имеют длинное туловище и короткие ноги, почему, сидя верхом, кажутся великанами, а, стоя на земле, оказываются ниже обыкновенных людей. Но ногайские князья одинаково красивы верхом и пешком, потому что рождаются от прекрасных чиркашенок. Крымские татары пашут и сеют; едят обыкновенный пшеничный хлеб; ногайцы же не сеют и не жнут, но питаются полусырым мясом, преимущественно кониной, и пьют кобылье молоко или простую воду, а иногда бузу. Хотя многие из находящихся в Татарию ногайцев живут привольно, тем не менее, среди простонародья не мало таких, которые никогда не едят хлеба, а ногайцы, живущие в Скифии, не знают даже, что такое хлеб. Они прекрасно переносят голод, будучи в состоянии провести 10 и даже 12 дней без еды; за то, когда находят пищу, то сколько ни едят, никак не могут насытиться; был пример одного ногайца, который съел, в присутствии теперешнего хана, крупного, жирного барана в один присест. Крымские татары живут в поселениях и в обыкновенных домах; ногайцы же не имеют постоянных жилищ в деревнях, а живут в степи, на повозках, на коих устраивают как бы комнаты, прикрепляя к повозкам крыши из тонких прутьев, формой напоминающие церковные купола, покрытые войлоком. Там они варят пищу, сделав наверху отверстие для дыма, а также едят и спят. Таких помещений они устраивают сколько им понадобится, и на этих повозках, запряженных волами, переезжают с места на место, в поисках за пастбищем для скота; иногда [131] телеги съезжаются в таком количестве, что представляют вид очень большого города. Не следует, однако, отрицать, что у князей и у других знатных ногайцев есть селения и дворцы. Татария почти сплошная равнина; горы тянутся лишь вдоль морского побережья. Почва черноземная и крайне плодородная, с сотнями тысяч разного скота, преимущественно лошадей, овец и волов, для которых там видны обширнейшие луга и пастбища. Пшеница и прочие хлеба произрастают в изобилии, равно как и лён, из которого татары ткут тончайшее полотно. В двух местностях выделяют очень много вина; одна называется Судак, о котором говорилось в перечислении главных городов Татарию; другая называется Бельбек (*Belbech*) и находится недалеко от Бахчасарая. Первая местность под турецким владычеством, вторая принадлежит хану. Вина Бельбека не столь приятны и крепки, как судакские. Там мясо, птица, рыба, молочные скопы и плоды в изобилии.

Там есть два обширных соляных озера: первое на одной оконечности Татарию, т.е. в Воспро, а другое на противоположной стороне, в Юзлеве; они обильно снабжают столовой и поваренной солью все побережье Черного моря и сам Константинополь; принадлежат хану.

Утверждают за верное, будто в горах близ города Крыма находится жила серебряной руды. но здесь опасаются верховной власти. Путешествовать по Татарию бывает отчасти удобно, так как употребляются тележки, сделанные из ветвей и тонких древесных прутьев, покрытые сверху циновками и войлоком; в них можно расстилать и ковры. Внутри свободно помещается небольшой тюфяк на двоих, но по турецки (*alla Turcheska*) могут усесться 3-е и даже 4-ро. Эти повозки весьма удобны и для здоровых и для больных; купцы кладут туда свои товары и удобные тюки, на которые садятся сами. В повозки запрягают лошадей или верблюдов, коих в Татарию очень много; но у них на спине не один горб, как у азиатских и прочих верблюдов, а два горба, представляющие как бы седельный арчак, так что на них часто и садятся, как на удобное седло. Многих верблюдов уводят в Азию для разведения их породы. Путешествовать по Татарию бывает затруднительно тем именно, что приходится

останавливаться для привала под открытым небом, а часто и под дождем 124; по дороге поселений нет или ничтожно-малые; они все сосредоточены в долинах или вдоль рек, которых всего сем, хотя и не очень больших. Так как за отсутствием гостиниц или конаков, по выражению татар, некому заботиться о нуждах путников, то всякий запасается на дорогу съестными припасами, для себя и упряжи. Если же иногда встречается татарский поселок, то путника, с полной любовью и гостеприимством, снабжают безвозмездно, чем только могут, и ему крайне редко приходится терпеть [132] обиду; действительно, татары, которые вне Татарию, как истинные дьяволы губят столько душ, на родине кажутся ангелами. Тем не менее Татария остается сущим адом, как по вышеупомянутым проклятым набегам, так и по многочисленным ворожбам, заклинаниям и колдовством. На улицах главных городов стоят фальджи (falgi) и бахчи (bachcsi), как их называют, видят и предсказывают вопрошающим будущее, *rescunia mediante*, хорошее или дурное, гадая на книгах, на бардаках (bardacche) или крытых сосудах с водой, на костях, на стрелах. Но больше всего они прибегают к сглазу (*l'affascinar con gl'occhi*), называемому у них наззарлик (Nazzarlich) 125; я был свидетелем изумительного действия одного особенно на женщин. Так, например, достаточно сказать женщине: “о! какие чудные глаза”! — и тотчас глаза у неё начинают слезиться и болеть, а затем она слепнет; или же, намекая на работу девушки, произнести: “как она хорошо работает” и немедленно руки девушки начинают дрожать, или же её палец повреждается и т.п.

Но за все учиняемые проступки и беззакония Господь Бог в течение сих последних лет стал являть великие знамения. Мы сказали выше, что татар осталось очень мало, так как многие погибли на войне. Пять лет тому назад жесточайшая чума смела сотни тысяч людей. Четыре года сряду появлялась саранча, каждый раз в большем количестве и ранее прежнего, причиняя невероятные убытки не только людям, в виде сильной дороговизны, но, кроме того, в зимнее время погибло великое множество скота по недостатку подножного корма и запасов сена; наконец, выпадали часто великие снега при сильнейших морозах.

Эта саранча или коккиркие (Cocchirchie) 126, как называют татары и турки, в 4-ый год появилась необыкновенным и чудесным образом, т.е. не беспорядочно, как в другие годы, но виднелась в разных местах, расположенная густыми и сомкнутыми рядами, так что казалась не саранчой или просто смышленною тварью, а правильно выстроенными станами ратников, не отстающих один от другого. При передвижении каждый ряд шел за вождем, причем следующий ряд стоял неподвижно, до тех пор пока его вождь не трогался с места; в таком же порядке шли все последующие ряды, в чем я дорогою убедился лично, бросив в них несколько камней. Последствием вышеупомянутых знамений было то, что Салмаша покинул зимой Татарию, забрав семью, и, в сопровождении многих отрядов ногайцев, удалился в Ромелию к брату своему Кандемиру. Нынешним летом, по причине голода, около 30.000 татар переселились с семьями, кто морем, кто сухим путем, в ту же Ромелию, причем из каждого поселения уходило то более, то менее одной или двух тысяч человек, смотря по числу жителей. [133]

По причине войн, чумы, голода и выселения, в Татарию осталось менее 20.000 поселков (Ville) и то мало населенных 108. Много было замечено небесных знамений, о которых долго рассказывать; но не могу умолчать об одном из них, которое я наблюдал очень внимательно. В августе месяце, прошлого 1633 года, было два лунных затмения: одно вечером, в первую четверть луны, около двух часов ночи, длившееся более часа; другое в полнолуние, часа за полтора до рассвета. Наблюдал затмение, находясь на пути к поселению (Ville) наших христиан, но с наступлением утренней зари я его более не видел, гора заслонила от меня ход затмения. На тринадцатый день того же месяца солнце померкло около часа с половиной дня. Происходившие изменения были изумительны; я опишу их вкратце и сообразно наблюдениям, сделанным мною, с большим любопытством, в открытом поле, на обратном

пути из вышеупомянутой поездки. Итак, сначала солнце появилось в виде четырехугольника, что продолжалось достаточно времени, чтобы пропеть Верую; затем оно снова приняло круглое очертание на такой же промежуток времени; после того солнце показалось опоясанным по середине черной полосой, шириной в 4 пальца, это явление длилось столько же; потом потемнела верхняя часть солнца, снизу же оно осталось освещенным; спустя еще столько же времени, солнце осветилось сверху до половины, а снизу потемнело; таковым оно осталось еще такой же промежуток времени и, наконец, стало затмеваться, как бы облекаясь со всех сторон в тонкое покрывало, так что солнце не только скрылось, но в течение полутора часа ходьбы я даже не видел и следа его местонахождения. Я сильно желал прибыть в Каффу достаточно заблаговременно, чтобы показать сие великое знамение некоторым друзьям. Богу было угодно позволить и другим быть свидетелями явления; действительно, встретив образованных армян и евреев, я подозвал их к морскому берегу, обращенному к востоку, и спросил, могут ли они проследить, где находится солнце; они долго думали, высчитывая, который мог быть час, но напрасно; оказалось невозможным определить место его нахождения, а между прочим, даже при облачном небе, подобные вычисления не нужны, потому что всегда заметен след солнца и можно наблюдать за ходом светила 127. Во все время затмения, т.е. добрых два часа, солнце давало земле лишь тусклое и печальное освещение. Последствием такового знамения было то, что в следующую зиму, в январе месяце, единственный сын нынешнего царя или хана Замбекгирая отправился со своим войском в Чиркасию и, пройдя в Воспро, крайний предел Татарии, лег спать во втором часу ночи с головною болью, а к полуночи неприметным образом перешел, так сказать, скоропостижно в другую жизнь. Итак, солнце затмилось навсегда, ибо [134] род Конкиз (Casa Conchis) более не испустит лучей с этой стороны, потому что сын хана умер бездетным, единственный брат хана также скончался 3 года тому назад без наследников и сам хан на то утратил всякую надежду 128. В Татарии, прославленной столь многими султанами, остался лишь единоутробный брат хана. Да будет угодно Господу, чтобы взошло новое солнце, и загорелся новый свет et in bonum monstra convertantur.

Amen. 1634.

Николай Пименов

Ялта, 1-го августа, 1901 года.

ХРОНОЛОГИЯ ОПИСАНИЯ ТАТАРИИ

- 1434 (около) Приход ногайцев из Скифии в Крым.
- 1604 Переселение латинск. христиан из Сивурташа в Феччиалу.
- “ Польша перестает посылать дары хану татарскому.
- “ Начало морских набегов казаков.
- 1611 Шяингирай бежит в Персию.
- 1614 Шяингирай с персами разбивает татарское стотысячн. войско
- 1621 Поражение падишаха Османа II поляками под Хотинном.
- 1622 Умерщвление брата Кандемира зятем Махметгирая хана.
- 1624 Прибытие д'Асколи в Крым.
- “ Назначение ханом татарским Замбекгирая.
- “ Приход в Крым 4.000 казаков на помощь Шяингираю против турок и Замбекгирая.
- “ Поражение турок и Замбекгирая под Каффой, взятие Каффы Махметгираем, бегство Замбекгирая.
- “ Морское сражение 300 чаек с галерным турецким флотом и гибель чаек.
- 1625 (около) Джиованни да-Лукка ездил в Чиркасию.
- 1627 Убийство зятя Махметгирая в Чиркасии Салмашой, братом Кандемира.
- “ Бегство Кандемира с ногайцами через Прекоп.
- 1628 Осада Бахчисарая, 28 дневная, ногайцами.
- “ Приход козаков в Крым на помощь Шяингираю, освобождение от осады Бахчисарая.
- “ Осада Каффы Махметгирдем с казаками
- “ Назначение Замбекгирая ханом вторично.
- “ Прибытие Замбекгирая с флотом в Каффу и снятие осады, 29-го июня.
- “ Бегство Шяингирая с казаками через Арабат.
- “ Бегство Махметгирая через Прекоп.
- “ Поражение и смерть Махметгирая под Прекоп, бегство Шяингирая и казаков.
- 1629 Присылка хану подарков от светлейшего Трансильванского.
- “ Жестокая чума опустошает Татарию (Крым).

- 1629-1632 Шяингирай губернатором провинции в Персии.
- 1630 Присылка хану подарков от Густава-Адольфа.
- “ Карасу-базар взят, разграблен и сожжен казаками.
- “ Захват и ограбление польскими казаками Мангупа.
- 1631 Наводнение в Каразио.
- “ Удачное морское сражение казаков с турецкими галерами.
- 1632 Шяингирай прибыл в Константинополь.
- “ Нахождение исполинских ископаемых костей в Тамани.
- 1633 Посольство хана к кесарьскому величеству.
- “ Набег татар на Московию, вывод 20 т. пленных.
- “ Юзлеве разграблен и сожжен казаками.
- “ Два лунных затмения в августе.
- “ Солнечное затмение 3-го (13) августа.
- “ Салмаша выселяется с ногайцами в Ромелию.
- 1634 Смерть единственного сына хана Замбекгирая.
- “ Латинская миссия отправляется в Чиркасию.
- “ Начало войны с Польшей и заключение мира падишахом Мурадом IV.
- “ Приезд польского посла Стефана Наряюши в Крым.
- “ Выселение в Ромелию 30 т. татар.
- “ Окончание постройки харвасария в Юзлеве.